

Петровы в гриппе и вокруг него

Автор:

Алексей Сальников

Петровы в гриппе и вокруг него

Алексей Львович Сальников

Классное чтение

Алексей Сальников родился в 1978 году в Тарту. Публиковался в альманахе «Вавилон», журналах «Воздух», «Урал», «Волга». Автор трех поэтических сборников. Лауреат премии «ЛитератураРентген» (2005) и финалист «Большой книги». Живет в Екатеринбурге. «Пишет Сальников как, пожалуй, никто другой сегодня – а именно свежо, как первый день творения. На каждом шагу он выбивает у читателя почву из-под ног, расшатывает натренированный многолетним чтением „нормальных“ книг вестибулярный аппарат. Все случайные знаки, встреченные гриппующими Петровыми в их болезненном полубреду, собираются в стройную конструкцию без единой лишней детали. Из всех щелей начинает сочиться такая развеселая хтонь и inferнальная жуть, что Мамлеев с Горчевым дружно пускаются в пляс, а Гоголь с Булгаковым аплодируют...» Галина Юзефович

Алексей Сальников

Петровы в гриппе и вокруг него

Издательство благодарит компанию «Bookmate» за любезно предоставленный эскиз переплета.

© Сальников А.

© Латухова А., художественное оформление

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Посвящается моей жене

Глава 1

Артюхин Игорь Дмитриевич

Стоило только Петрову поехать на троллейбусе, и почти сразу же возникали безумцы и начинали приставать к Петрову. Был только один, который не приставал, – тихий пухленький выбритый старичок, похожий на обиженного ребенка. Но когда Петров видел этого старичка, ему самому хотелось подняться со своего места и обидеть старичка еще больше. Вот такое вот его обуревало дикое, ничем не объяснимое чувство, тесная совокупность мохнатых каких-то дарвиновых сил с достоевщиной. Старичок, замечая на себе внимательный взгляд Петрова, робко отворачивался.

Но сей дедуля являлся, так сказать, постоянным сумасшедшим, его Петров встречал то и дело едва ли не с детства, даже вне общественного транспорта. Другие сумасшедшие вторгались в жизнь Петрова только по разу, будто единожды за тридцать лет вырвавшись с восьмого километра Сибирского тракта, спешили на третий троллейбус, чтобы сказать Петрову пару ласковых – и пропасть навсегда.

Была старушка, уступавшая Петрову место на том основании, что он, Петров, инвалид и у него деревянные ноги и руки и рак (рак не деревянный, просто рак). Был дядька, похожий на кузнеца из советских кинофильмов, т. е. здоровенный

дядька с таким голосом, от которого вся жесть троллейбуса, казалось, начинала вибрировать. Похожим образом вибрирует полупустая открытая бутылка, если мимо проезжает грузовик. Дядька, одним своим боком прижав Петрова к стенке, читал пожилой кондукторше стихи, поскольку оказалось, что под ватником, пахнущим металлической стружкой, бензином и солярой, таится нежное сердце поэта.

– А годы летят, наши годы как птицы летят, – интонируя нежностью «годы» и «птицы», читал дядька.

Кондуктор, улыбаясь кроткой улыбкой, слушала.

Много раз к Петрову подсаживались люди не сказать что совсем уж пожилые, чтобы можно было заподозрить каждого из них по крайней мере в маразме, знакомились и принимались нести ахинею про золото партии, про бесплатные путевки в санаторий, которые давали когда-то каждый год, и про то, что всех, кто сейчас находится у власти, надо ставить к стенке. Как только кто-нибудь из безумцев упоминал эту пресловутую стенку, Петрову почему-то представлялись стоящие в ожидании расстрела Путин и Россель. Воображение рисовало их такими же, как они появлялись на телеэкране: Россель весело улыбался, Путин был серьезен, но с этакой иронией в глазах.

Однажды на виду у Петрова едва ли не врукопашную сошлись два пенсионера. Спорили они за одно и то же, даже политические платформы каждого из них не сильно разнились, но тем не менее они ссорились, Петров уже заподозрил дурное, поскольку пенсионеры сходились и в том, что Ельцина убрал Березовский, и что таджиков много, и что раньше была настоящая дружба народов, а теперь одни евреи, и что на Нобелевскую премию Евтушенко выдвигают лишь за то, что он осуждает холокост. Такой взгляд на происходящее несколько ломал представление Петрова о всякой логике, и он почувствовал, что сам сходит с ума, как двое этих стариков, пытаюсь понять, почему они кричат друг на друга. Все это как будто бы могло нехорошо кончиться, но тут наступила конечная, старички вышли и медленно разошлись в разные стороны, спокойные и отстраненные от всего, как до спора, так и не выяснив, при ком был самый сахар: при Брежневле или при Брежневле.

И в этот раз, гриппуя и сам чувствуя некоторую измененность сознания, Петров стоя колыхался на задней площадке троллейбуса, держась за верхний поручень. Народу было немного, но сидячих мест не было, а водитель на каждой остановке

одинаково шутил:

– Осторожно, двери не закрываются.

На остановке «Архитектурная академия» в салон зашел аккуратненький дедуля в чистом сером пальтишке, в отутюженных серых брючках, с чемоданчиком на застежке. У дедули была ленинская, или же дзержинская, или же лимоновская борода. Очки дедули побелели с мороза, и он принялся вытирать их концом красно-черного клетчатого своего шарфика, когда место ему уступила девочка лет восьми.

Старичок поблагодарил и сел.

– А вот сколько тебе лет? – потерпев какое-то время, поинтересовался старичок у девочки.

– Девять, – сказала девочка и нервно громыхнула ранцем за плечами.

– А ты знаешь, что в Индии и в Афганистане девочки с семи лет могут замуж выходить?

Петров решил, что бредит или же ослышался, – он посмотрел на старичка, тот продолжал шевелить губами и издавать звуки.

– Вот представляешь, ты бы уже два года замужем была, – старичок лукаво сощурился, – два года бы уже с мужем трахалась вовсю, а может быть, даже изменяла бы ему. Все вы, сучки, одинаковые, – закончил он, с той же доброй улыбкой и лукавым прищуром глядя ее по ранцу.

– Горького, – объявил водитель и открыл двери. Старичок хотел продолжить, но тут бледный худенький паренек лет, может быть, семнадцати, сидевший со старичком по соседству, на одном с ним сиденье, как бы очнулся от разглядывания окрестностей сквозь процарапанный оконный иней, повернулся к старичку, снял с него очки и дал ему по физиономии, внезапно, но так как-то даже обыденно, не слишком даже сильно. К ногам Петрова, как шайба, выкатилась старикова вставная челюсть.

– Ах ты... – возмутился старичок, – да я за тебя пятнадцать лет в Анголе...

– Осторожно, двери не закрываются, – предупредил водитель.

Паренек ухватил старичка за шарфик и, как упирающуюся собаку, торопливо выволок его наружу. Петров нагнулся, поднял вставную челюсть с прорезиненного рифленого мокрого пола и выбросил ее на улицу, где продолжалась экзекуция. Двери закрылись, и троллейбус двинулся дальше. Девочка как ни в чем не бывало заняла освободившееся у окна место. Петров отчего-то заробел садиться с ней рядом, он отошел к заднему стеклу, почти чистому, почти безо льда. Сквозь стекло была видна реклама «Росгосстраха», приклеенная по ту сторону окна и потому перевернутая зеркально, так что, понятно, читалось: «хартссогсоР», на рекламе этой был еще изображен почему-то бульдог, снаружи видимый отчетливо, а из троллейбуса смотревшийся эдак бледновато, словно подернутая туманом собака Баскервилей. Кроме того, через заднее окно Петров увидел, как милиция забирала и паренька, и дедушку, причем дедушка защищался, ловко бия милиционеров портфелем, а те, в свою очередь, дрались с ним кулаками и дубинками. «Может быть, правда Ангола», – равнодушно подумал Петров той частью мозга, которая была особенно охвачена у него жаром инфлюэнцы.

Когда перспектива постепенно скрыла от Петрова побоище, он опять стал смотреть на рекламу «Росгосстраха», задумавшись, есть ли, например, у китайцев аббревиатуры, или же им хватает иероглифов. При каждом выдохе он чувствовал, как жарко, пусто и просторно у него в носоглотке. Хотелось холодной газированной воды, и закурить, и аспирина, и еще раз холодной газированной воды, и уснуть.

– Раньше таких людей за блаженных считали, – назидательно сказал за спиной Петрова старушечий голос, – уважали, ходили к ним специально, а сейчас вот оно как.

«.....», – равнодушно подумалось Петрову.

– Пенсионное, – продолжал голос, – а сейчас вон что по телевизору показывают, а слово человеку сказать не дают.

Петров не без веселья подумал, что забавно было бы обернуться и увидеть за спиной совершенно пустой салон, да так, чтобы голоса продолжали звучать, – но оборачиваться не стал. Петров стал смотреть на дорогу, и от того, как она выкатывалась из-под троллейбусного хвоста, Петрова замутило. Он поднял глаза на идущие вслед за троллейбусом машины и увидел, что прямо за ними катится катафалк – малиновая «газель» с двумя вертикальными черными полосами через все лицо. Человек на пассажирском месте «газели» радостно махал руками. Не сами глаза Петрова, а его горячая голова медленно навела фокус на человека, машущего руками, чтобы Петров понял наконец: перед ним его старый знакомец, знакомец показывает ему, дескать, иди сюда. Зря Петров не сел рядом с девочкой, потому как последний раз, когда он виделся с этим знакомцем, а звали знакомца Игорь, все чуть не закончилось тем, что оба они, Игорь и Петров, по пьяной лавочке едва зачем-то не уехали в Ирбит. Благо Игорь еще по дороге до железнодорожного вокзала стал грубить прохожим, а поскольку день отъезда совпал с днем ВДВ, путешествие, так и не начавшись, завершилось побоями, пьянкой на островке возле УрГСХА и песнями про голубые береты в компании каких-то загорелых, покрытых татуировками, мускулистых мужиков, словно разом вышагнувших на улицы города из бара «Голубая устрица».

Петров стал махать Игорю, отпуская его за приключениями одного. При этом Петров всем своим видом давал понять, что нет, нет, ему некогда, ему плохо, тем более Петрову и на самом деле было плохо, а когда он увидел Игоря, стало и того хуже, но тот словно не совсем понимал Петрова, а может, принимал все отчаянные жесты Петрова за своеобразное кокетство, потому что считал Петрова почему-то душой компании. Петров, впрочем, отмахивался и знал, что это бесполезно, не придумал еще никто способа отмахаться от Игоря, когда тот желал понимания и общества, это были просто какие-то чары. Что говорить, если этот волшебный человек прямо на лету исхитрился в хлам напоить наряд ППС, который их с Петровым остановил, а после Игорева тоста: «Ну, чтобы вам все с рук сходило, как фээсбэшникам», – один из особо чувствительных милиционеров едва не подарил Игорю табельное оружие. Понятно, что через минуту Петров и его троллейбус были остановлены, что упирившийся, улыбающийся смущенно и что-то смущенно и протестующе мекающий Петров был пересажен в катафалк, что минут через семь они уже чокались с Игорем пластиковыми стаканчиками над крышкой гроба и проливали водку на гроб, когда «газель» притормаживала или взбрыкивала, и водитель спрашивал обеспокоенно: «Вы там ничего не пролили? Вы аккуратнее там. Еще не хватало», – водитель уже явно жалел, что кроме Игоря в машине сидит еще и Петров, без которого Игорь пил не так развязно, а Петров не жалел уже ни о

чем, он как-то сразу прошел через собственное условие «одну, и всё, а потом вы меня высадите, раз по пути». Игорь стал уговаривать шофера выпить с ними полстаканчика, и водитель продолжал ломаться, прикидываясь серьезным и ответственным.

- Вот определим жмура, и тогда - с радостью.

А Игорь отвечал:

- Да че он, убежит, что ли? Да и кто тебя остановит, гробовозку?

В итоге водитель все-таки принял на грудь, не в силах переносить одновременно пробку и заклинания Игоря. Затем водитель принял еще, но уже по собственной инициативе, и стал рассказывать, как еще в советское время учился в мореходке и был серебряным призером ЭССР по боксу. Описание извилистого пути от будущего моряка и будущего чемпиона до нынешнего водителя катафалка ударило по нетрезвому и болящему мозгу Петрова, как большая мягкая кувалда, так что мысль Петрова потекла сразу в две стороны - в сторону тихой грусти за шофера, восхищения перед его рассказом и спокойствия за самого себя, потому что сам Петров никаких особых амбиций не имел даже в прошлом, от чего не мог испытать разочарования в жизни никаким образом. То есть были у него, конечно, мелкие неурядицы, но они не могли целиком поставить крест на его жизни, как получилось, например, в юности у его друга Сергея. Могли случиться какие-нибудь тяжелые потери, с сыном могло что-то произойти: пропал же вот мальчик из сыновьей параллели, ушел куда-то с коньками - и не вернулся. Жена могла найти себе кого-нибудь, что было бы логично, потому что Петровы находились в разводе. Что еще могло случиться? Разглядывая окрестности своей жизни, Петров отчего-то не замечал очевидного, что он как бы соучаствует в похищении человеческих останков и, может быть, даже совершает некоторое глумление над трупом и за это его могут прицепом, вместе с Игорем и шофером, привлечь.

Шофер в свою очередь не умолкал. Он рассказывал, что в их похоронной конторе таких, как он, почти все. Был, например, бывший певец, с шести лет занимавшийся музыкой, но умудрившийся скатиться, что называется, к земле посредством своей глупости, и не столько даже глупости, сколько чередования везения и невезения, посредством того, что многие близкие вкладывали в него какие-то надежды, но кроме надежд вложили в него, видимо, какую-то нездоровую наследственность. Певец был из простой рабочей семьи, учитель

музыки еще в детском саду заметил в нем талант, в подростковом возрасте певец не потерял голос, педагоги носились с ним в школе, но в консерватории певец не продержался и полгода. В музыкальной роте, куда певец загромыхал, он тоже не просидел слишком долго, попался на пьянке и угодил в стройбат. Затем были череда работ и кружки художественной самодеятельности, несколько брошенных жен, алименты – и не прошло и двадцати лет, как певец уже ковырялся в уральской глине.

– Ну, это вообще эпос, – Игорь откликнулся на рассказ водителя таким равнодушным голосом, что Петрову захотелось дать Игорю по морде. – А какие у вас там еще кадры есть? Писатели там, художники...

Петров внутренне содрогнулся вопросу и внимательно посмотрел на Игоря, но тот даже не поднял взгляда от дна своего стаканчика. Действительно, оказались в похоронной конторе и писатель, и художник. Писатель, а точнее, поэт уже бесконечно долго посещал литературную студию «Строка» где-то в библиотеке на Уралмаше.

– Это, по ходу, где у меня жена работает, – сказал Петров. – Она говорит, что так жалко всех этих людей, что там раз в неделю собираются, что хочется заколотить их в конференц-зале и сжечь библиотеку, чтобы они не мучились.

– А художник что? – спросил Игорь.

Художник, по словам водителя, был не так уж плох, но не мог рисовать ничего, кроме уральского леса, и ладно бы любого леса, нет, художник рисовал только осенние уральские лесные пейзажи, изредка изменяя им с натюрмортами на тему «Дары природы». Стоит ли говорить, что дары природы тоже были уральские и лесные: грибы, рябина. Художник говорил, что тема уральской осени неисчерпаема. По основной своей специальности художник был плотник, сколачивал гробы. Когда водитель упомянул об этом, в Петрова вкралось подозрение, не оформлял ли этот плотник в свое время районную столовую, куда Петров, тогда еще школьник, ходил обедать на заводские талоны матери. В этой столовой стены были покрыты узкими рейками, лакированными под дуб, а на стенах висели осенние пейзажи и портреты корзин с грибами и кисточкой рябины сверху. Несколько выделялась из этого только огромная копия картины «Три богатыря», присобаченная возле входа, и транспарант, который Петров не смог бы процитировать дословно, однако помнил, что там что-то говорилось про трезвость. В детстве и транспарант, и три богатыря как-то складывались у

Петрова в одну общую картинку, ему казалось, что три богатыря иллюстрируют транспарант, что Алеша Попович, слегка оползающий в седле, пьян, а «Три богатыря» – этакая сатира, призывающая не походить на Алешу Поповича. Сам того не замечая, Петров уже походил на Алешу Поповича своей позой, которая становилась все более неустойчивой с каждой выпитой рюмкой.

Игорь попросил притормозить, потому что у него кончилось спиртное. Водитель, как показалось Петрову, облегченно выдохнул и принялся выбирать, где бы ему поудачнее припарковаться.

– А мы уже бутылку выглушили? – громким от опьянения и удивления голосом осведомился Петров.

– Нет, – сказал Игорь, – я бо?льшую часть выпил, ты уже напоследок попался, но предлагаю продолжить.

Когда Игорь распахнул боковую дверцу «газели» и на Петрова дохнуло свежим воздухом, Петров почувствовал, насколько в машине душно и насколько в машине приторно пахнет отдушкой от трупа; оказалось, что Петров незаметно для себя расстегнул дубленку, потому что горячий пот тек по всему его телу, как будто это был не пот, а просто Петров только что выключил душ и тянулся за полотенцем, а вода стекала по нему.

– Я с тобой пойду, – сказал Петров Игорю.

– Конечно, ребята, прогуляйтесь, – поспешно поддержал водитель.

– Ну пошли, – охотно согласился Игорь.

Петров знал, что Игорь не переносит одиночества, даже если бы он ушел один, то все равно вернулся бы с какой-то компанией или не вернулся бы вовсе, если бы нашел компанию поинтереснее, а компанию Игоря Петров предпочитал больше, нежели компанию водителя, хотя и знал его уже во всех подробностях, а про Игоря до сих пор не знал почти ничего. Кроме имени Игоря, Петров вообще ничего про него не знал.

Петров выкарабкался из «газели» и с наслаждением вздохнул.

Игорь с одобрением оценил внешний вид Петрова.

- Ты прямо румяный, как Дедушка Мороз, - сказал он.

- Так скоро Новый год, - Петрову показалось, что этими словами он как-то объяснил свое состояние, - плюс я еще гриппую. А мне еще и сына в пятницу на елку вести или везти на машине, надо будет посмотреть, как я буду выглядеть к тому времени.

Они мирно захрупали снежком тротуара, направляясь к магазинчику через дорогу, Игорь задумчиво нес пустую бутылку, зацепив ее двумя пальцами за горлышко, так что бутылка ненадежно болталась в воздухе. «Да поставь ты ее уже куда-нибудь», - хотелось сказать Петрову, но Игорь честно дошел до ближайшей урны, совершенно пустой, хотя рядом с урной было столько окурков, будто урна ждала кого-то на свидание и много курила. Игорь бросил туда бутылку, и бутылка гроыхала внутри урны очень долго, словно попала в мусоропровод девятиэтажного дома.

- Так ты в похоронной конторе работаешь? - спросил Петров.

- Да нет, это просто знакомый попался по дороге, - беспечно сказал Игорь и даже как будто набрал воздуха, чтобы сказать, где он работает на самом деле, и промолчал.

На светофоре делать было все равно нечего, поэтому Петров набрался решимости и спросил:

- А там точно труп у вас в машине, или вы сговорились, чтобы меня поугаать?

- Когда вернешься, сам посмотри, - усмехнулся Игорь, - там реально труп в костюмчике. Мужик какой-то. Но я бы на его месте хотел, чтобы меня немного на этом свете вот так вот задержали. Ты бы разве отказался?

- Не знаю, - засомневался Петров. - Мне-то уже все равно будет, там родственникам больше переживать по поводу его исчезновения. Им, наверно, не очень хорошо, все ведь распланировано.

– Будь моя воля, – признался Игорь, – я бы его останки до тридцать первого где-нибудь попридержал и посмотрел, как они его тридцать первого закапывать будут, а потом на праздник спешить.

Тут они заметили, что женщина за руку с мальчиком лет шести, вставшая, как и они, на красный свет, смотрит на них, приоткрыв рот, и вслушивается в их беседу.

– Женщина, ну что вы вот встали тут, – слегка возмутился Игорь. – Проходите, не задерживайтесь. Видите, зеленый уже загорелся.

На середине пешеходного перехода Игорь, а с ним и Петров догнали женщину с ребенком, которая спешила от них ускакать.

– Нет, – сразу же как бы с середины начал Игорь, отчего создалось впечатление, что они с женщиной уже вели хотя бы какую-то беседу и прервали ее, а теперь возвращаются к начатому, – если вам не с кем встречать, то это совсем другой разговор, это совершенно шутка, конечно.

Женщина потащила ребенка в магазин, видимо, поближе к толпам народа и охранникам, но туда же направлялись и Петров с Игорем, только возле овощного отдела они отстали от женщины, скользнув в отдел с алкоголем, где приглашающе блестели непочатые бутылки, а взгляд скучающего чоповца в черной форме был особенно подозрителен и цепок.

– Не надо на меня так смотреть, – предложил охраннику Игорь.

«Началось», – подумал Петров с невыразимой тоской, еще большей даже, чем когда его вытаскивали из троллейбуса и пересаживали в катафалк.

– Это почему это? – спросил охранник.

– Ну просто по статистике, – пояснил Игорь, – больше всего из магазина прут именно сотрудники магазина, а вы тут изображаете Цербера, хотя, может быть, целый день стоите тут и думаете, как бы что списать на усушку и утриску.

Охранник скептически хмыкнул вместо ответа, но все же отвернулся.

Это был удивительный магазин, тут играла музыка – один и тот же Фрэнк Синатра пел одну и ту же «Let It Snow», – на каждом углу висели маленькие хвойные веночки, как будто в память о многочисленных усопших гномиках, а елочные игрушки висели под потолком и лежали между бутылками с водкой и на полках с другим алкоголем, еще стоял большой ящик, куда грудой были свалены бутылки с «Советским шампанским» за восемьдесят рублей, мигали гирлянды, точнее, не мигали, а словно светящиеся муравьи непрерывно бежали вдоль гирлянд, и все было бы совсем по-предновогоднему, если бы повсюду, даже в алкогольном отделе, не пахло луком.

– Чиполлино у них тут сдох, что ли, – выразил неудовольствие Игорь.

Вообще, вся веселость Игоря куда-то делась в магазине: и в алкогольном отделе, и в отделе мясной гастрономии он, прежде чем что-то выбрать, смотрел на товары, не притрагиваясь к ним и даже чуть откинувшись назад, и еще с таким прищуром, словно был тренером некоей продуктовой команды, которая вот-вот должна была встретиться с противником, а на самом Игоре была ответственность за вдохновляющую речь, и речь эта копилась в нем, пока они ползали с корзиной вдоль стеллажей, так что Петрову снова стало жарко и он снова почувствовал себя только что выключившим душ, только теперь это было чувство, что он выключил воду уже после того, как намылился, но до того, как согнать с себя образовавшуюся на коже пену. Игорь разродился словами только возле кассы, пред очами кассирши в форменном магазинном фартуке цвета запекшейся крови.

Вообще Игорь распылял свое внимание на женщину с ребенком, ту самую, с перехода, которая встала за ними только потому, что больше ни одна из четырех касс не работала, и, собственно, на кассиршу. Кажется, он пытался склеить их обеих.

– С наступающим, – сказал Игорь кассирше, пока их корзина с алкоголем и колбасами ехала по ленте транспортера.

– Вас также, – дежурно ответила кассирша.

– У вас в магазине, можно подумать, не год Желтой крысы наступает, а год не знаю чего, – сказал Игорь. – У вас голова не болит от этого запаха?

– У меня голова от покупателей болит, – сказала продавщица. – От таких, как вы. Не отвлекайте, пожалуйста.

Этого ответа хватило Игорю, чтобы отвлечься на короткое время от работницы прилавка и начать выбирать киндер-сюрприз со стеллажа возле кассы. Игорь осведомлялся у ребенка, яйцо из какого набора ему нужно, при этом женщина, чей был ребенок, направляла на Игоря очень тягостный взгляд, от которого тяжелее становилось лишь Петрову.

– А какие больше берут? – спрашивал Игорь у продавщицы.

– Сейчас все берут, – отвечала продавщица, пикая определителем штрихкода.

– А ты какой хочешь? – спрашивал Игорь у ребенка.

– Он никакой не хочет, – говорила женщина-мать (или сестра, или тетя – неизвестно).

– Нет, мне машинки, – охотно отвечал ребенок, и женщина дергала его за руку.

Это повторилось несколько раз, причем с каждым разом продавщица несколько не меняла интонации, которая должна была, по замыслу Петрова, становиться все раздраженнее с каждым новым повторением.

– Он просто выделяется, дайте ему сделать, что он хочет, – и он отстанет, – тоже раз за разом утверждал Петров, хотя и не совсем был в этом уверен.

Петров не ошибся: закупившись своими продуктами, Игорь приобрел ребенку упаковку киндер-сюрпризов, пару шоколадных монеток в желтой фольге и растаял в загадочном тумане, то есть сразу же потерял всякий интерес и к продавщице-женщине, и к женщине с ребенком; женщина с ребенком стала складывать продукты в пакет рядом с ними и пыталась заставить мальчика сказать «спасибо», а мальчик молчал или из упрямства, или от того, что ему от радости сперло дыхание в зобу. Петров отворачивался от них всех, боясь надышать на кого-нибудь гриппозным дыханием, а значит, заразить и подрубить чей-то праздник на корню, как елочку.

Словно соревнуясь с женщиной, Игорь быстрее нее скидал все продукты в свой пакет, белый, но с надписью цвета запекшейся крови, и молча вышел в сумрак улицы, проглядывающий уже через стеклянные двери. Петров догнал его, стремительно шедшего обратно к переходу, и с некоторым раздражением спросил:

- И что это было?

Игорь посмотрел на Петрова сверху вниз, как небожитель, непонятно было, пьян он в дым или совершенно трезв (сам-то Петров был уже слегка под хмельком), алый отсвет светофора лежал на густых, темных, коротко постриженных волосах Игоря и на плечах его темного пальто, лицо у него было такое, как будто он собирался спросить: «А ты кто вообще такой?» Но вместо этого Игорь сказал:

- Я тут подумал, что, пока мы по магазину шарились, Василий мог куда-нибудь уехать.

- Не то что мог, - уверил его Петров, - я бы на его месте, как только мы вышли, дал бы по газам и скрылся.

Они перешли дорогу в обратном направлении; Игоря, кажется, заняла мысль, высказанная Петровым, и он не мог сразу ее переварить и найти на нее какие-то обратные аргументы, тем более что траурной «газели» не оказалось на том самом месте, где Игорь и Петров ее оставили.

- Вот балбес, - понурился Игорь, - ну куда он теперь? Он же без меня не выкрутится.

Покосившись на Петрова, Игорь добавил:

- Обратно застегнись, это уже ни в какие ворота. Что ты так потеешь-то?

- Так грипп, - напомнил Петров, застегивая толстые пуговицы на дубленке, - может, мне тоже уже домой как бы пора. Можно ко мне пойти, тут недалеко.

Игорь скривился. Можно было подумать, что он хотя бы раз был у Петрова дома, а сам дом Петрова представлял собой что-то жуткое.

- Да ну тебя, - сказал Петров, - я пойду.

- Бросаешь, - сказал Игорь, и в голосе его прозвучали невыносимые нотки товарища с перебитым хребтом в снежной тайге.

- Ну а что теперь-то? - спросил Петров уже менее уверенно.

- Можно на Эльмаш поехать, - ответил Игорь, - машину, например, поймать и поехать.

- Ну прекрасно, - сказал Петров. - Я за этим столько с Эльмаша еду, чтобы туда вернуться? Что там делать-то?

- А дома тебе чего? - спросил Игорь. - В одиночестве помирать?

- Может, сын придет, может, жена, - сказал Петров и нашелся: - Болеть буду, мне после праздников еще впахивать и впахивать, знаешь.

- Всем, знаешь, после праздников впахивать и впахивать, - заметил Игорь. - А там у меня знакомый живет, кандидатскую по философии пишет, если он еще в состоянии разговаривать, то есть если он еще с местными не напился, то, когда его напоишь, от его разговоров приходишь мощнее, чем от травы. А потом его где-нибудь еще можно повспоминать во всяких разговорах. А то что ты там видишь у себя под машинами, в яме своей?

«Ну не скажи», - хотел возразить ему Петров, а Игорь уже стоял на обочине и протягивал, голосуя, руку с пакетом.

- Вот что у тебя там, в яме, интересного? - спросил Игорь Петрова уже внутри теплой «Волги», где Петров стал уже заранее расстегивать пуговицы, чтобы снова его не накрыло волной жара. Игорь обнимал пакет, поставленный на колени, обеими руками, и пакет одновременно мягко шуршал, а бутылки в нем постукивали, словно деревянные поленья с мороза, и нежно позвякивали, будто фужеры. В машине пахло только что занесенным ими с улицы морозом и тающим

на ботинках снегом, но этот запах постепенно сменялся запахами автомобильной обивки, елочки над лобовым стеклом и сигарет. Петров вспомнил, что давно не курил, а закурить хотел еще в троллейбусе, сразу же, как выйдет на конечной.

Шофер, покачивающийся от дорожного движения, внимательно следил за Петровым в зеркало заднего вида. Сбоку Петрову было видно, что водитель гладко выбрит или просто очень молод, но глаза у отражения были как у старого усатого водителя фуры. В машине было темно, однако света уличной иллюминации и огней передних автомобилей хватало, чтобы разглядеть водительское недовольство. «Лучше бы ты на дорогу смотрел», – подумал Петров и спросил:

– Я закурю? У вас тут можно?

Водитель не стал удостаивать Петрова хоть какими-то звуками собственного голоса, вместо этого он отрицательно покачал головой и включил радио, где сразу же, как будто того и ждали, начали песню про новогодние игрушки, свечи и хлопушки.

– Ну так что ты видишь в своей яме? – не отставал Игорь.

– А на том конце нас ждет вообще кто-нибудь? – спросил в ответ Петров, потому что ему лень было рассказывать про гараж и с ходу он не мог вспомнить ни одной подходящей истории, чтобы и правда было интересно. – Или мы так и продолжим шарахаться по морозу?

– Так тебя это беспокоит? – спросил Игорь, зашевелившись, и, придерживая пакет только одной рукой, начал копаться в своем черном пальто, будто выискивал блох, пока не вытянул наружу обмылок мобильного телефона. – У тебя, кстати, есть мобильник? – между делом поинтересовался Игорь, пока тыкал в кнопки телефона ногтем большого пальца.

– Нету, – соврал Петров.

– Так-то есть, – совершенно не обидевшись, угадал Игорь, – но ты не хочешь, чтобы я тебя и по мобильнику доставал.

– Типа того, да, – признался Петров. – Одно дело – на тебя случайно наткнуться, и совсем другое – постоянно с тобой на связи быть.

– Да я ненавязчивый на самом-то деле, – рассеянно отвечал Игорь, потому что слушал уже гудки, приложив телефон к уху. – Алло, Витя, ты? – спросил Игорь, сразу же отстранившись от внутреннего пространства машины, как только услышал ответный голос в трубке, и словно переместился в другое, недоступное для Петрова место, где обитали души всех телефонных говорильщиков. – Это Игорь, – сказал Игорь с такой интонацией, будто был единственным Игорем во Вселенной. – Да вот, хотим с товарищем к тебе в гости зайти по поводу твоей кандидатской, – сказал Игорь и зачем-то ненадолго отпустил пакет и показал Петрову большой палец. – Уже докторская? – неувидленным голосом спросил Игорь. – Как колбаса? Тем более надо зайти и свежим взглядом ее обзреть. Пролить на нее, так сказать, свет. Ага, именно горний. – А чем ты, собственно, занят? – хамски спросил Игорь после некоторого выслушивания противной стороны. – Работой ты занят? Витя, ну это просто смешно. Ну какая у тебя там работа? Человек к тебе больной едет поговорить, а у тебя работа. Симпатичная работа-то хоть? Не отвалю, пока не скажешь. Не отвалю. Сам туда иди. Нет, ты. Нет, сам иди. Не, ну правда симпатичная? Правда симпатичная? Мы приедем, посмотрим, оценим, можно? Ну, мы, короче, приедем.

От таких разговоров Петров стал потеть даже в расстегнутой дубленке, ему было страшно представить себя на месте человека, которого обхаживал Игорь, потому что Игорь никого не обхаживал, а просто медленно констатировал факт своего появления и объявлял факт открытия ночных посиделок с большими дозами спиртного, что не всех могло радовать.

– Я думаю, Витя, что ты свистишь, – с беспощадной нежностью говорил Игорь, – никого у тебя нет. Обычных женщин ты отпугиваешь, когда открываешь рот, а студенток – тем, что к тебе нужно переться на Эльмаш. Дай бог, чтобы в своем философском самобичевании, или стоицизме, или не знаю, какой у тебя сейчас период, если не алкогольный, ты не припал, так сказать, к самой что ни на есть онтологии греческой философии и не стал никого заманивать в гимнасий. Местный пролетариат не будет это терпеть.

После слов про докторскую и про студенток Петров вдруг увидел, что Игорь старше него лет на десять, как не на пятнадцать, и почувствовал себя чужим. И до этого было непонятно, почему Игорь с ним возится, а теперь было непонятно втройне. Еще непонятно было, почему после всяческих оскорблений, прямых и

завуалированных, Витя сразу не бросил трубку, а продолжил разговор, но непонятно было только до тех пор, пока Игорь не произнес:

- Да я просто трубку не буду бросать, и всё, ты же не можешь перестать спорить, пока спор идет, а денег у меня на телефоне до хрена, я могу сейчас в Тагил скататься, вернуться и к тебе приехать, и если буду продолжать разговаривать, то ты все так и будешь стоять возле своей тумбочки и слюной брызгать.

Игорь, кивая глубоко, как цирковая лошадь, выслушал возражения Виктора и вздохнул:

- Ну ладно, нет так нет. Мы приедем, посмотрим, может, ты еще переменишь свое мнение, а если не переменишь, то постоим на пороге, как девочки со спичками, припадем к твоему окну, продышим глазок и будем смотреть на твое счастье... Нет, меня не пугает, что второй этаж, ты меня знаешь. Пускай тебя это пугает.

Закончив разговор, Игорь убрал телефон обратно вглубь себя, обнял пакет и обернул к Петрову довольное лицо. «Нет, ему ведь реально лет сорок», - подумал Петров, которому было двадцать восемь.

- Он, конечно, против, но кто его спрашивать будет? - сообщил Игорь.

- Так он может тупо не открыть, - подсказал Петров.

- Так мы можем тупо стучать, пока он не откроет, - ответил Игорь.

- Так он может тупо куда-нибудь уйти, пока мы едем, - сказал Петров.

- Так ему тупо некуда, - сказал Игорь. - Ему суждено сегодня напиться, парки уже соткали ткань и все такое.

- А зачем тогда звонить было? - спросил Петров.

- Надо было его заранее растравить, - ответил Игорь, - чтобы он, знаешь, бесился, как Минотавр в своем лабиринте.

Игорь опять приотпустил пакет и показал одной рукой и скорчившейся гримасой Минотавра в бешенстве.

За чужим разговором Петров не заметил, как водитель вывез их в какие-то городские боковины, которые можно было различить при свете дня, но теперь их топология как бы отступила в подступившую темноту и затерялась в лезущих в глаза огнях, впрочем, и огней скоро не стало – «Волга» выкатила на какую-то дугообразную дорогу, которой не было конца. Маленькие полосатенькие столбики торчали по бокам дороги, а за столбиками стояли хвойные деревья с опущенными снегом лапами. Потом мелькнул знакомый дорожный знак с ржавой вмятиной в нижнем правом углу. Знак, обозначающий скорую заправочную станцию, и следующий за ним через сотню метров знак, предостерегавший от вылета гравия из-под колес, сразу расставили по местам дорожные замыслы молчаливого водителя. Правда, мелькнула заправка с воткнутой неподалеку елочкой, украшенной серпантинном и гирляндой; непонятно было, специально ли приволокли откуда-то елку или она тут предусмотрительно росла. Через несколько минут после заправки лес начал отступать, а дорога стала обрастать подробностями городской окраины: железной дорогой под автомобильным мостом, какими-то складами без окон и дверей, далекими, сбившимися в стайки, но при этом выглядящими одиноко высотками. Проживший в городе всю жизнь Петров никогда здесь не был и никогда не смотрел на город с этого ракурса, и поэтому все равно не мог понять, где они находятся. Потом и окрестности почти потерялись из виду, потому что водитель «Волги» сунулся в проулок и осторожно поехал между двух бетонных заборов, кренившихся друг к другу, с колючей проволокой по верху. Из-за заборов выглядывали здания из темного мелкого кирпича, с пыльными узкими окнами, но даже за этой оконной пылью и узостью виднелось внутри зданий какое-то пространство, и виднелись в этом пространстве части крупных тяжелых механизмов, какие-то их углы. Из-за того, что ехали они медленно, так же медленно, как на сцене с поворотным механизмом, проплыли мимо них мужчина и овчарка, стоявшие в сугробе. Мужчина отливал в сугроб и как будто даже не заметил автомобиля, а собака смотрела, как мужчина отливает. Еще была заводская труба, торчавшая, как телебашня, из трубы шел белый пар, видный даже в темноте на фоне темного неба.

Следом за промзоной стали появляться желтые двухэтажные домики и черные деревянные, тоже двухэтажные, домишки. Водитель повел дворами, и вся прелесть дворов с их секретными магазинами, известными только местным жителям, спрятанная в первом этаже дома детская поликлиника или детский

сад (внутри горел свет и видны были разрисованные игривыми зверюшками стены), кренясь, покачиваясь на особенных дворовых ухабах, стали представлять взору Петрова. На совсем короткое время вынырнули как будто на улицу или даже перекресток, однако было темно, и Петров не был уверен, полноценные ли это улица или перекресток или просто причуда ландшафтного дизайнера. Машина полезла в гору и показала, что на горе есть магазин «Кировский», снова запетляла между кустов, близких дверей подъездов и бетонных блоков, преграждавших ей дорогу. Петрову показалось в этом кружении, что они возвращаются обратно.

- Да, вот здесь, - сказал Игорь, и машина остановилась.

Вместо того чтобы вылезти со своей стороны, Игорь необидно выпихнул Петрова наружу, выпихнулся сам и повел Петрова вдоль короткого деревянного палисадничка, в котором стоял покрытый снегом мангал. «Волга», покинутая ими, всячески попятилась, чтобы развернуться и отправиться в обратный путь, сделать это ей было нелегко, потому что дорога была не чищена. Почти за руку Игорь подвел Петрова к двери, пухло обитой коричневым дерматином по площади и черным войлоком по периметру, поставил Петрова под фонарем над крыльцом, передал в руки Петрова пакет и постучал. В ответ его громкому и одновременно мягкому стуку только ветер по-особенному тонко засвистел в рейках палисадника.

- Ну зашибись, - сказал Петров, застегиваясь.

Но тут внутри дома что-то заскрипело деревянными скрипами как будто в нескольких местах сразу, дверь открылась внутрь. На пороге стоял Виктор Михайлович, клиент автосервиса, где работал Петров. Несмотря на то что последний раз Виктор Михайлович появлялся в сервисе года три назад, Петров очень хорошо помнил, как они чинили ходовую его «уазика» и меняли «уазикую» коробку передач, и надо было буквально раскручивать Виктора Михайловича на покупку каждой запчасты для его же автомобиля, а потом еще выковыривать из него плату за работу, в итоге у Виктора Михайловича, словно в наказание за его скупость, буквально через несколько часов после того, как машину выгнали из гаража, стуканул движок. Виктор Михайлович, канюча, стал проситься обратно и обещал золотые горы, но все ближайшие гаражи его уже знали и не повелись на обещания, так что Виктору Михайловичу пришлось убираться восвояси и искать лохов в другом месте, где его фотокарточка еще не примелькалась.

Виктор Михайлович запомнился Петрову как довольно крупный мужчина, а теперь, после нескольких лет, что Петров его не видел, он казался еще здоровее. Даже удивительно было, как Виктор Михайлович пролезает к себе домой в такую узкую и низкую входную дверку. Помимо каких-то ватных штанов, на Викторе Михайловиче был еще турецкий свитер горчичного цвета, какие уже носили только на приусадебных участках в холодную погоду, живот свитера украшала надпись «Team boys», сильно подпираемая изнутри телесами хозяина дома. Виктор Михайлович по-особенному, пьяно, посапывал носом, словно собираясь вот-вот проблеваться. Виктора Михайловича слегка покачивало.

– Пришли-таки, ну заходите, – сказал Виктор Михайлович, не без труда развернулся в тесной прихожей и полез по узкой для него лестнице наверх.

Игорь забрал у Петрова пакет и шмыгнул внутрь. Петров шагнул следом за Игорем, прикрыл за собой дверь, и та отчетливо щелкнула английским замком. В прихожей было холодно, как в деревенских сенях, возле двери стояли, прислоненные к стене, несколько совковых лопат, лопата для уборки снега и метла, рядом с ними лежала штыковая лопата с комом земли, оставшимся, наверное, с осени, и так и заброшенная. Еще был электросчетчик на стене, гудевший, как электрический стул во время казни.

– Свет там выключите, – рявкнул Виктор Михайлович откуда-то сверху.

Петров не без труда отыскал землистого вида выключатель на стене, такой старый, что последний раз Петров видел подобную модель только в коммуналке, где жила его бабушка со стороны матери, причем было это лет двадцать назад. От выключателя вверх шел шнур, похожий на обычную бельевую веревку. Петров щелкнул маленьким рубильником выключателя, и сразу же стало совершенно темно, только спустя несколько секунд дверь наверху скрипнула и откуда-то сверху появилось что-то вроде отраженного от стены желтого света. Ориентируясь на шуршащего пакетом и тканью пальто Игоря, стесняясь выставить вперед руку, чтобы не наткнуться головой на какой-нибудь припасенный по дороге возможный антиквариат, но так и не сумев найти перила лестницы, Петров полез за Игорем.

На площадке между первым и вторым этажом висел таз, а его уже было видно в свете, что пробивался в щель приоткрытой двери. За дверью была еще одна прихожая, но на этот раз теплая. Ожидая увидеть жуткую берлогу холостяка, Петров был слегка удивлен, когда обнаружил зеркальный шкаф, встроенный в

стену налево от входа, пол, покрытый ламинатом, малиновые занавески с помпончиками на двух видимых Петрову дверях, одна из которых вела, очевидно, в кухню, другая – в гостиную. Сверля гостей злобными, крупными (от рождения) и светлыми (от алкоголизма) глазами, Виктор Михайлович стащил с них верхнюю одежду и шапки и развесил все это на плечики, вырвал пакет из рук Игоря и удалился за одну из малиновых шторок, ту, которая была напротив входа. Под пальто у Игоря оказался костюм, похожий на похоронный, словно он успел стащить его у покойника в «газели», Петров же, в своих джинсиках и свитерочке, пропахших бензином, почувствовал себя подобным Виктору Михайловичу, и ему это совсем не понравилось, ему не хотелось становиться крупнее с годами, тем более настолько крупнее.

– Тапок у тебя так и нет? – спросил Игорь, разуваясь и ставя ботинки на полку для обуви.

– Щас, таксу свою дрессированную кликну, она принесет, – ответил Виктор Михайлович с таким сарказмом, чтобы Игорь понял, что тапок ему не будет.

– Ох ты, батюшки, – сказал Игорь, – да ты все еще злишься на то, что в прошлый раз, что ли, было?

– И за то, что в позапрошлый раз, тоже, – сказал Виктор Михайлович, при этом было слышно, что он отвинчивает крышечку у бутылки и разливает водку по рюмкам.

Игорь, поджидая, когда разуется Петров, не спешил на кухню, хотя и нетерпеливо косился на его гриппозные шевеления со шнурками.

– Племянника я, кстати, и без твоей помощи смог устроить, – сказал Игорь. – В мед.

– Какой мед? – удивился Виктор Михайлович. – Он же у тебя дебил, я же точно помню.

– Дебил, не дебил, – сказал Игорь, – а уже на третьем курсе.

– А это тоже племянник? – с подозрением спросил Виктор Михайлович, показав пол-лица из-за шторы.

– Почти, – сказал Игорь. – Это хороший знакомый мой и сосед по даче. Нас однажды возле ТюЗа десантура пыталась отмудохать.

– Да не пыталась, – вставил свои пять копеек Петров, наконец разобравшись с ботинками и выпрямляясь, отчего у него едва не случился приступ внезапного кашля, – не пыталась, а именно отмудохала слегка.

Игорь повернул к Петрову лицо, в котором читалось легкое недоумение.

– Да ладно тебе, – сказал Игорь. – Так, потолкались немного, за жизнь поболтали. Если, считай, никого на полу не оказалось, значит, и драки не было. По-моему, так.

Петров, которому все же намяли бока, невольно издал звук некоторого несогласия с Игорем.

– Как же так, Игорек? – спросил Виктор Михайлович. – Не смог отговориться?

– Да вот так как-то, – пожал плечами Игорь. – В свое оправдание хочу сказать, что нас все же не побили. Единственные, кому я бы позволил это сделать, – шахтеры там или горняки. И то если бы я был неправ. А я всегда прав.

По очереди вымыв руки в ванной, Игорь и Петров переместились на кухню, за маленький квадратный столик, покрытый такой жесткой пластиковой скатертью, что Петров почему-то чувствовал ангинный ком в горле, когда щупал ее край, по жесткости скатерть напоминала синие пластинки, вшитые между страницами журнала «Колобок». Петров смотрел на голубое пламя под желтоватым от времени чайником, сделанным в виде полусферы, и начинал чувствовать, что внутри домашнего тепла сам начинает нагреваться, как чайник, хотя нет, жар внутри Петрова был не жидкий, не как в чайнике, он был скорее таким, какой бывает у печных кирпичей, – сухой, тяжелый и долгий. Собственно, Петрову не оставалось ничего, кроме как страдать и напиваться, потому что Игорь и Виктор Михайлович, сев за стол, как и до этого, сразу же занялись друг другом, источая взаимный яд. При том что они пикировались между собой, апеллировали как к судье они почему-то к Петрову, а он мог только хмыкать,

поскольку почва большинства остров была Петрову понятна только отчасти. Например, Петров знал уже, что Виктор Михайлович преподает философию, но не знал где, и хотя бы мог понять, почему Игорь спрашивает, каково это – разваливать систему образования и, значит, отчасти саму государственность и быть при этом почвенником. При этом ответный ход Виктора Михайловича, который утверждал, что кому, как не Игорю, знать все про распад, основы, государственность и почву, – был Петрову совершенно неясен, хотя Игорь, услышав такие слова, гадко заулыбался и заговорил про Олешу и зависть. Виктор Михайлович говорил, что зависти нет, а есть вполне закономерное удивление таким поведением Игоря.

Минут через двадцать Виктор Михайлович уже почти орал на Игоря с покрасневшим от натуги лицом и для убедительности тыкал зачем-то указательным пальцем между рюмок.

– Как цивилизация зародилась на Ближнем Востоке, так она там и осталась! Не нужно было даже на пушечный выстрел варваров с севера подпускать! Там и без европейцев котел, чтобы туда еще и масла подливать! Всё, что севернее, – это мусор, мусор, я тебе говорю! На Ближнем Востоке появилось все, что было потом испохаблено варварами под собственные нужды! Любое изначальное проявление хоть какой-то культуры! Хотя вы-то тоже хороши! Носились со своим единобожием как оглашенные! И перед кем вы его стелили, кому вы дали все готовенькое – плод пары тысяч лет религиозной мысли? Причем, смотри, даже арабы, которых сейчас гоняют по всему миру, – и то смогли усвоить, что такое один Бог! Арабы! Это потому что там просто, может, реально что-то святое есть в этих песках! Как только мысль тронулась на север – всё. Во что мы сейчас верим? Правильно! В Отца, Сына и Святого Духа, то есть в Юпитера, Геркулеса и Меркурия в одном лице! А если еще глубже копнуть, то в Зевса, Геракла и Гермеса! Конечно, мне будут возражать, что нет, нет, богословская мысль пошла дальше этой условности. Да ничего подобного! Для обычного люда – это реально Зевс, Геракл и Гермес. Это знаешь, где там под себя черного Иисуса рисуют? Вот и тут так же, просто адаптировали под себя, отмели часть мифов и стали типа не язычниками, хотя по факту ими и остались. Богословская мысль делает всякие обходные тропинки мимо этой аналогии, но так оно и есть, все эти святые покровители того и сего – чистый уход в язычество. Не нужно было перед ними распинаться! Пускай молятся своему греко-римскому пантеону! Нужно мириться с арабами и жить по-своему!

– У тебя инсульта сейчас не случится на фоне религиозного экстаза? – спросил Игорь, то ли издеваясь, то ли беспокоясь.

– Не надо было хотя бы воевать сами с собой! – не слыша его, наседел Виктор Михайлович и навалился брюхом на край столешницы. – Хотя бы этого не нужно было делать! Понимаешь?! Понимаешь ты это? Ой-ой-ой, у нас храм, а у вас – нет! Ой-ой-ой, у вас храм, зато мы не быдло! Нормально вообще, нет? Хуяк, набежали соседи и разогнали всю шоблу на две тысячи лет!

Игорь расхохотался.

– Тебе бы сейчас с моим дядькой за один стол! – сказал Игорь, по-прежнему посмеиваясь. – Он бы тебе стал в твое суконое рыло тыкать твоим же великодержавным шовинизмом, если бы его раньше удар не хватил от такого краткого пересказа библейской истории.

– Ну, так и надо было дядьку притаскивать, а не этого, – Виктор Михайлович посмотрел на Петрова и в попытке сформулировать сущность Петрова стал морщиться, как от запора, – этого молчуна. Он кто, кстати? Секретарь какой-нибудь твой?

– Я говорю – знакомый, – сказал Игорь, – не знаю, где он работает.

Петрову хватило ума сказать, что он сантехник, но Виктор Михайлович все равно заприсматривался к Петрову, покачиваясь и щурясь.

– А в гараже никогда не работал? – спросил Виктор Михайлович.

– Не, – ответил Петров.

– Смотри у меня, – погрозил пальцем Виктор Михайлович.

Вообще, вероятность того, что Виктор Михайлович узнает в нем автослесаря, была минимальна, тут все было за Петрова – и другая одежда, и измененный простудой голос, и время, прошедшее с той поры, что Петров ковырялся в многострадальном «уазике». Петров до сих пор помнил, как «уазик» проседал влево-вперед, когда Виктор Михайлович садился внутрь. На всякий случай

Петров потупил глаза под внимательными буркалами Виктора Михайловича, в душе которого автослесари, похоже, оставили особенно глубокую рану, и образы обидчиков, возможно, еще плавали в его памяти, а бороться с такой тушей не было у Петрова ни желания, ни здоровья, ни пространства.

– Соседи у меня козлы, – внезапно перескочил Виктор Михайлович, налюбовавшись невеселой мордой Петрова. – И ладно бы с ними пересекаться, знаешь, на выходе, но тут ведь как. Второй этаж мой и вход в подъезд тоже мой, а с той стороны живут люди на первом этаже и у них тоже свой выход. Мне не улыбается весь дом вокруг обходить, чтобы только с ними побеседовать. Да и слева сосед тоже не подарок, просто берет снег, сгребает в мою сторону – и поехал, я же, типа, сейчас не на колесах, так переберусь через завалы. И собака их гребаная, гав-гав-гав, гав-гав-гав. Че «гав-гав-гав»? И на людей, и на собак, и на кошек, а когда Луна, она, сука, воеет. А когда нет Луны, она ходит и цепью гремит. Патрулирует. Еще цепь у нее такая, не знаю, по спецзаказу они ее, что ли, сделали, чтобы она так гроыхала. Хрен знает.

После собаки, привязанной цепью, мысль Виктора Михайловича сделала очевидный ассоциативный скачок. Хотя и до этого, когда Виктор Михайлович, посмотрев на Петрова, стал распространяться, какие суки его соседи, скачок тоже был ассоциативным, однако Петрову не хотелось этого признавать.

– Мы, ребята, – заговорил Виктор Михайлович, – привязаны к материи. Что бы ни говорили, но даже информация полностью материальна и не свободна от оков материи. Взять ту же книгу. Фотоны отскакивают от ее страниц и влияют на нейроны мозга определенным образом. Учитель колеблет среду, в которой находится, с помощью голосовых связок и воздействует на нейроны учеников через барабанные перепонки. Другое дело, что та же книга, без всякого бензина и электричества, просто лежа на столе, имеет почти неисчерпаемый ресурс информативности. Из нее могут черпать знание поколение за поколением, пока книга не рассыплется. Сказанное слово может размножаться в человеческой среде как живое, по сути дела слово – это как квант света, имеет сразу несколько сущностей, только свет может иметь корпускулярную и волновую сущность одновременно, а та же мысль – и связка конкретных молекул в нейронах, а когда ты произносишь свою мысль вслух – это вполне конкретное, измеряемое колебание воздушной среды, мысль, выраженная на бумаге, вообще какая-то невообразимая связка механизма распознавания образов, самих образов и непрерывного пинг-понга фотонов между механизмом распознавания образов и самими образами. Вообще интересно, ведь на квантовом уровне, грубо

говоря, голова не отличается от жопы, среда, в которой мы существуем, не отличается от нас самих, воздух, который мы вдыхаем, еда, которую мы едим, становится нами, где эта граница между нами и средой? Почему мы, по сути дела, абстрактное облако элементарных частиц, можем передвигать облако элементарных частиц, которое является нами, и не можем, допустим, двигать горы таким же образом? То есть понятно, что с помощью инструментов можем двигать и горы, но почему не можем наделить ту же гору своей волей и не сдвинуть ее? Ведь никакой границы не существует.

- Слушай у тебя тут курить можно или все еще нельзя? - перебил Игорь и тем самым озвучил мысль, давно беспокоившую Петрова.

- Нельзя, - категорично заявил Виктор Михайлович, - провоняете тут всё.

- Да ладно тебе, - сказал Игорь, - ну проветрится же через день буквально.

- На улицу идите, - приказал Виктор Михайлович, - но окурки в огород не бросать. К соседям бросайте, к собаке этой.

Игорь и Петров повторили процесс одевания в обратном порядке и спустились на улицу. Виктор Михайлович явно преувеличивал шум, который издавала соседская собака, потому что опять, кроме ветра в рейках палисадника, ничего слышно не было. Сам Виктор Михайлович, несмотря на свою демонстративную нелюбовь к курению, вскоре сам вылез на крыльцо и стал с легким презрением наблюдать за курящими гостями. У самого него в руке была бутылка, и из нее он изредка делал небольшие глотки, как будто пробовал.

Выкурив по одной сигарете, они решили выкурить еще несколько - про запас. Петров, заметно нагревшийся внутри дома и внутри себя за то время, что они сидели на кухне, а Виктор Михайлович то включал огонь под чайником, то выключал (и непонятно зачем, ни кофе, ни чая никто не предлагал), с удовольствием вдыхал кажущийся прохладным воздух всей грудью, только иногда воздух как будто попадал не в то горло и Петров заходился кашлем.

- Бросай курить, - сказал Виктор Михайлович во время одного из таких приступов кашля.

– Что-то не слышно твоей собаки знаменитой, – заметил Игорь то, что Петров заметил сразу.

Вместо того чтобы рассказать про собаку, Виктор Михайлович, как будто озаренный видом Игоря в накинутах на плечи пальто и черном костюме, кинулся в пучину внутренней политики.

– Вообще, все это не нужно, – сказал Виктор Михайлович, тыча пальцем в темно-серый галстук Игоря. – Система выборов давно себя дискредитировала. Ничто не может гарантировать, что человек, которого изберут, будет делать, что обещал. Надо по-другому. Нужна лотерея. Случайный выбор из граждан. Все равно нет гарантии, что человека выбрали не потому, что у него пиарщики хорошо поработали. Получается, что выбирают не тех, кто может управлять страной, а тех, кто хочет ей управлять. А это две большие разницы. По сути дела, правление возведено в абсолютизм, все крутится вокруг этого правления. С появлением лотереи не будет смысла контролировать СМИ, покупать голоса, копать компромат, вся эта лабуда. А голосование перенести на конец правления, если президент устроил – пускай отправляется на пенсию, если не устроил – пускай отправляется на нары. Хотя нары – это, конечно, перебор, но какая-то ответственность нужна. Сделать президентское правление как священный долг защиты родины, чтобы человек со школы знал, что может попасть на президентское кресло.

– А с парламентом что делать, откуда его брать? – спросил Игорь. – Нужно или всю систему под эту лотерею менять, или не знаю что.

– Там тоже можно что-нибудь придумать, – сказал Виктор Михайлович, – тоже какую-нибудь ответственность, чтобы все это отпуском не казалось.

Игорь и Виктор Михайлович заспорили, Игорь – несколько насмешливо и с высоты неизвестного своего положения, а Виктор Михайлович – с горячностью подростка, выпучивая свои и без того немаленькие глазищи, срываясь во вскрикивания на высокой ноте. А Петров, глядя на многочисленный снег вокруг себя, на пятиэтажный дом через дорогу, вспомнил вдруг, как на елке в раннем детстве женщина или девушка, изображавшая Снегурочку, взяла его за руку, а рука у нее была совершенно ледяная, и маленький Петров подумал: «Настоящая». Пока спор со стороны Виктора Михайловича становился все жарче, жарче становилось и Петрову, но это был уже такой жар, какой с трудом балансирует на грани озноба, словно та Снегурочка из детства сунула свою руку

не в ладонь Петрову, а за шиворот, или даже не за шиворот сунула, а пролезла рукой под рубашку со стороны живота и коснулась ребер. Еще Петров решил тогда, что Снегурочка настоящая не только из-за ее холодной руки, а еще и потому, что лицо у нее, когда он на нее посмотрел, было очень белое. Сейчас-то Петров понимал, что это был всего лишь грим, но тогда, в детстве, эта бледность Петрова очень впечатлила.

– Да? А исходить из того, что большинство не может ошибаться, – не утопия? Нынешний институт демократии основан на том, что среднее арифметическое – истина, а это не так. Нынешний институт демократии совершенно так же верит в некоего сферического избирателя в вакууме, – крикнул Виктор Михайлович отчаянно. – А взять мою сестру. Это же ужас, а не избиратель – это совершенно безумный человек. Она залетела, ее у нас в Невьянске старушки гнобили, мать парализовало после пьянки, потом мать умерла, и все это – пока я в армии был, она в это время заочку умудрилась закончить, можешь себе представить, в атмосфере этого гнобления, этой парализованной матери, этого ребенка, пеленок этих, всяких его болячек. И вот она сваливает в Австралию в разгар перестройки, вместе с сыном, я даже сам до сих пор не понимаю как, и теперь мы пишемся по электронной почте, она утверждает, что Австралия – это континент-Невьянск, то есть там сплошь Невьянск, и топит за родные березки. На этого человека, по-твоему, нужно ориентироваться, да она сама не знает, где завтра будет. Да и где оно, это большинство? Все поголовно ходят на выборы? Нет, не ходят! Нынешний механизм выборов – это просто иллюзия сопричастности к жизни в стране, и при этом многие даже в этой иллюзии не хотят участвовать. Один хрен на выборы ходит только часть населения, из этой части только часть голосует за определенного кандидата, так где тут большинство? Произрастание власти из иллюзорных элит – это не иллюзия? Сакрализация власти – это не один большой фокус? Возводить перераспределение доходов государства в область божественного знания – ну это вообще за гранью. Что есть тот же парламент? Дискуссионная площадка из выбранных в разных областях людей, которых в идеале заботит благополучие их региона. Ну, так это в идеале заботит, а на самом деле, как правило, их заботит лоббирование какой-нибудь ерунды, борьба за нравственность и популизм. Нужно не региональное деление, а статистический срез определенных слоев населения, эту парашу вообще давно пора реформировать до неузнаваемости, иначе бог знает, до чего мы дойдем.

С этим монологом Виктора Михайловича они снова перетекли в дом, снова был наполнен водой ненужный чайник и зажжен под чайником ненужный огонь, сами же хозяин и гости приняли по паре рюмок.

– Но это, конечно же, совершенно пустой разговор, – заключил Виктор Михайлович устало. – Нужна опять революция, как в семнадцатом году, а этого как-то не хочется. Хотя немного все же хочется, в глубине души тянет посмотреть, как все это накроется медным тазом.

Петров сходил в ванную, чтобы остудить голову под струей холодной воды, причем от этого жар только подступил к лицу, тогда он попросил выключить огонь под чайником, а когда и это не помогло, спросил, нет ли в доме аспирина или парацетамола. У Виктора Михайловича не было парацетамола, а был только аспирин, от целой упаковки Виктор Михайлович оторвал Петрову бумажку с двумя таблетками, Петров, в свою очередь, оторвал от уже оторванного, выдавил таблетку наружу и снова сходил в ванную, чтобы запить ее, – на кухне при всех пить таблетку показалось Петрову неприличным. Оставшийся нераспакованный уголок с аспирином Петров сунул в карман. Когда он снова приплелся на кухню, огонь опять горел под чайником, Виктор Михайлович разливал очередную водку по стопкам, а Игорь, щурясь, изучал упаковку аспирина, оставшуюся после дележа, так сказать, материнскую упаковку. Петрову показалось, что аспирин в его кармане, а особенно аспирин в его желудке зашевелились, пытаюсь вернуться к своим.

– Витя, ты с дуба упал, – констатировал Игорь, – это аспирин семьдесят девятого года выпуска, он вообще как подействует?

– А вот сейчас и посмотрим, – ответил Виктор Михайлович. – Ты вообще кто такой, чтобы меня критиковать? Может, ты доктор? Я его из дома, из Невьянска привез, у меня его запас, он мне все время помогает, всю жизнь. Так ты доктор, чтобы спрашивать? Хотя я и доктору нашел бы, что ответить.

– Я дух этого места, – серьезно сказал Игорь, не поднимая глаз на хозяина. – Или как там в «Тысяче и одной ночи»?

– Вроде бы не так, – сказал Виктор Михайлович. – Там вроде бы «я обитатель этого места». Какого места-то, кстати? Табурета?

– Я дух-покровитель Свердловска, – ответил Игорь, – а то и всей Свердловской области.

– Так, духу-покровителю больше не наливаем, – уверенно произнес Виктор Михайлович, двигая к себе бутылку, которая и без того была к нему ближе некуда.

– Я серьезно, – сказал Игорь.

– Ты опять про эту лабуду со своим Ф.И.О? – догадался Виктор Михайлович. – Ну складывается из твоей фамилии, имени и отчества имя «Аид». Это ведь ничего не значит совершенно.

Петров поднял глаза на Игоря и понял, что все очень плохо. Даже не отягощенному медицинским образованием Петрову было видно, что Игорь, кажется, действительно считает себя античным богом подземного мира. Таких фокусов от людей вне троллейбуса Петров раньше не наблюдал, поэтому тоска по тому, что может произойти дальше, обволокла его сердце; тоска вокруг сердца походила на ту самую тоску, которую он чувствовал, когда болел ангиной и протягивал бесконечные болты на автомобильном колесе, думая, что вот-вот сдохнет.

– Хватит тебе пить, – сказал Игорю Виктор Михайлович.

Эти слова звучали с оскорбительной самоуверенностью потому хотя бы, что Виктор Михайлович выглядел гораздо пьянее Игоря, и это было не удивительно, потому что Игорь выглядел так, будто вовсе и не пил этим вечером. Обычно после подобных слов, дескать, кому-то уже хватит, когда кто-нибудь произносил их в гараже, начиналась драка. Петров покосился по сторонам, выискивая поблизости тяжелые предметы, которыми Игорь и Виктор Михайлович могли навредить друг другу, чтобы в случае чего успеть прыгнуть на них первым и предотвратить кровопролитие. Одно только его смущало: если хозяин дома схватит чайник, чтобы, как осажденная крепость, отбивать штурм, отливаясь от Игоря горяченьким, трудно будет выхватить чайник из его рук, не обжегшись самому. Нужно было решаться и идти на крайние меры.

– А мне-то можно налить? – попросил Петров, тяпнул рюмку для храбрости и начал свой рассказ. – У меня друг в гараже работает, – повел Петров, как он думал, издалека. – У них там тоже есть дух. Только не Свердловска и области, а дух ямы, его Димон зовут. Потому что он, как напьется, всегда в яму падает, причем всегда спиной вперед, и, как бы его ни караулили, как бы вокруг него ни

ходили, он все равно умудряется это сделать. Прямо фокус какой-то. Стоит буквально на миг отвлечься – и он уже там. Хорошо, там опилки лежат на дне. С одной стороны, хорошо, а с другой стороны, от опилок намного мягче не становится, как он при этом до сих пор жив – загадка.

Петров, рассказывая это, крутил рюмку в руках и глядел на ее прозрачное доньшко, похожее на линзу, с помощью которой он в детстве, посмотрев «Калле-сыщика», сам пытался стать детективом. Взяв паузу, Петров собрался поведать про то, как Димон, упав под машину, зачем-то выкрутил пробку из днища бензобака стоявшей на яме машины, забросил пробку подальше, потом стоял под струей вытекавшего бензина, а когда его выгнали наружу и попытались поколотить, он стал убегать от всех и угрожающе чиркать зажигалкой.

Но, оглядев аудиторию, Петров понял сразу несколько вещей, а именно: что Игорь затащил его к Виктору Михайловичу не случайно, что, видимо, он и правда был духом города и области, который всё про всех знал, что Игорю интересно, что будет происходить дальше между Петровым и Виктором Михайловичем, что Виктор Михайлович узнал Петрова, а когда Петров обратил к нему лицо, у Виктора Михайловича совсем не осталось сомнений в принадлежности Петрова к проклятому гаражу.

– Ну всё, сука, – заявил Виктор Михайлович, медленно поднимаясь. – Теперь отольются кошке мышканы слезы.

Петрову странно было слышать, что человек такой комплекции сравнивает себя с мышкой, поэтому Петров растерянно рассмеялся. Виктор Михайлович воспринял этот смех как-то по-своему и издал горлом короткий звук, похожий на рев разгневанного слона. Игорь успел влезть между ними обоими, пока Петров и Виктор Михайлович, как-то уже подспудно спланировав не идти в бой с голыми руками, тянули бутылку со стола каждый в свою сторону.

Тем удивительнее было, что уже через пять минут они снова сидели и спокойно общались, Петров пытался досказать историю про Димона, но Игорь просил совсем другого рассказа, а Петров не понимал, какого рассказа хочет Игорь. Игорь говорил, что Петров – неблагодарный человек, что Игорь достал ему жену чуть ли не из самого Тартара, а Петров кочевряжится. Еще он утверждал, что Петров когда-то спас его сына одним своим прикосновением, как Иисус, что он специально собрал людей, причастных к его личному чуду, в одном месте и

очень им благодарен, так пускай и они хотя бы чуточку будут благодарны и ему. Продолжайся это еще дальше, то дошло бы до того, что Петров попытался бы сцепиться с Игорем – так Игорь начал раздражать какими-то непонятными намеками. Но тут Виктор Михайлович, для чего-то притащив из гостиной магнитола, включил Маккартни на всю катушку, а сам завел свою шарманку по поводу новой государственной политики и соседской собаки. И Петров пил под всю эту музыку, пока тьма не поглотила его вместе со звуками «Hope of Deliverance».

Глава 2

Сны Петрова

Петров очухался засветло, сначала ему показалось, что его разбудила тишина. Сознание включалось какими-то крупными сегментами, будто собирало простейший пазл из девяти кусочков. Так вот, сначала Петрову показалось, что его разбудила тишина, он подумал, что проснулся оттого, что Виктор Михайлович вырубил наконец свою магнитола. Затем Петров решил, что его разбудил страшный холод, окружавший со всех сторон, после чего Петров обнаружил, что пристегнут ремнем безопасности к сиденью машины, а впереди, сквозь лобовое стекло, видна неподвижная дорога, полная синеватого утреннего снега, истоптанного шинами. Справа от дороги тянулся низкий черный заборчик, похожий на строй букв «Н», многократно скопированных и поставленных бок к боку. То, что вечером Игорь принял за единственный пятиэтажный дом через дорогу от хибарки Виктора Михайловича, оказалось сразу несколькими двухэтажными домами, располагавшимися вразброс, еще один дом, и правда пятиэтажный, стоял в отдалении от дороги, на горе. Впереди, через некоторое расстояние, начиналось паханое поле частного сектора, чьи домики, согнанные вместе за высокий забор, разнообразно торчали в сплошном беспорядке до самого леса на горизонте. Между частным сектором и машиной, в которой сидел Петров, стояло несколько человек, в двух из них Петров узнал Игоря и Виктора Михайловича, двое же других были Петрову неизвестны, но по милицейской форме и так было понятно, кто они такие.

Холодок бы пробежал по спине Петрова от этой картины в память о том, что они с Игорем вчера творили и на каком транспорте передвигались, Петров даже

ощутил потребность, чтобы этот холодок пробежал по его спине, когда он огляделся и обнаружил, что сидит в том самом вчерашнем катафалке и даже вчерашний гроб находится в салоне, а значит, тело родственникам не вернули до сих пор, холодок пробежал бы Петрову по спине, а может, даже и пробежал, но Петров не почувствовал его, потому что сам был холоден, как эскимос, давно, видимо, еще во сне, миновав несколько стадий замерзания. Даже в носоглотке и легких, казалось, не было уже ни капли тепла. Онемевшими пальцами Петров ткнул в кнопку замка на ремне безопасности, путы, державшие Петрова на месте, скользнули вправо.

Люди на улице не обратили на движения Петрова никакого внимания. «Идите-ка вы лесом», – подумал Петров, аккуратно открыл дверцу на свободу, вылез наружу, не понимая, как стоит на ногах, которые почти ничего не чувствуют, прикрыл дверь за собой и потихоньку пошел вдоль борта машины в сторону, которая удлиняла расстояние между ним, Петровым, и любителем приключений Игорем. Сунув руки в ледяные карманы дубленки, Петров скрылся за автомобилем и неторопливо поковылял в поисках какого-нибудь транспорта. Ему стало интересно, в какую часть города заманил его вчера Игорь, но голубенькая табличка на ближайшем домике ничего Петрову не говорила. «Интересно, это тот самый Замятин, что „Мы“ написал, или революционер какой-нибудь», – подумал Петров. Снежные колеи, изображавшие дорогу, загибались вправо, в обход еще одного пятиэтажного дома, Петров послушно потопал по ним и вышел наконец на нормальную улицу, уходившую куда-то вниз, усаженную по бокам тополями. На улице никого не было, даже собак. Петров побрел мимо тополей, поглядывая туда-сюда в поисках какой-нибудь улицы покрупнее, пока наконец в самом низу снова не уперся в заборы частного сектора и какие-то гаражи, впереди и справа за гаражами и частными домиками снова был лес, зато слева, по очень далекой для замерзшего Петрова дороге, прошел синий троллейбус.

Петров подался в сторону троллейбуса. На лавочке троллейбусной остановки сидели какие-то бомжи, неотличимые от местных жителей, или местные жители, почти неотличимые от бомжей, какие-то, в общем, маргиналы с мордами, красными или от холода, или от алкоголя. Удивительно было, что свой семьсот семьдесят седьмой портвейн и девятую «Балтику» они пили в полной тишине, как бы усугублявшей их алкоголизацию на морозе. Петров хватился себя и понял, что не испытывает ни малейшего признака какого-либо похмелья, кроме того разве, что чувствовал некую отстраненность своего сознания от своего тела, не полную отстраненность, нет, а некий едва заметный люфт между телесным и умственным, усугублявшийся обычно печальной тошнотой, которой не было выхода, и головной болью. «Все-таки легкая рука у Игоря», – подумал

Петров. Все произошедшее, от самого начала пьянки, от пересаживания в катафалк вплоть до пробуждения в этом же катафалке, уже было подернуто для Петрова дымкой ностальгии, которая оставила в памяти только забавное и хорошее и походила на морозную дымку вокруг.

Кроме пьющих на лавочке людей стоял возле самой дороги молодой парень с черным рюкзаком за плечами, без шапки, с ярко пылающими на ветру ушками, казавшимися нежными из-за своего цвета, как подушечки лап у котенка, низ лица молодого человека был замотан заиндевелым черным шарфом. Петрову неловко было подходить к нему и обдавать его похмельным своим дыханием, тем более что молодой человек заметно отстранялся как от пьющей компании, так и от Петрова. Говоря словами Паши, с которым Петров работал в гараже, паренек «напрашивался на тумак». Стой он нормально, ощущения напрашивания бы не возникло, но он то и дело начинал разглядывать алкашей, а потом презрительно отворачивался, то косился на Петрова, так что Петров начинал чувствовать себя гопником, хотя таковым не являлся.

Петров невольно вспомнил, что тот же Паша – по замашкам этакий мелкий уголовник из палаты мер и весов – объяснял, почему он не кричит на своих детей и ни разу их даже не шлепнул. Во-первых, конечно, Пашина жена все с успехом делала за обоих родителей, а во-вторых, как Паша говорил, из всех этих воплей на детей и их битья и произрастает потом взрослое чувство вины за то, что тебя избили в подворотне, потому что ты не так говорил с правильными пацанами, вообще, что жертва насилия сама спровоцировала это самое насилие – это, типа, чувство из детства, когда тумак и вопли получали только за дело. Такая дрессура. Условный рефлекс, остающийся на всю жизнь.

– Я, когда понял, – говорил Паша (а говорил он это часто, почти любому новому знакомому, как бы неся свет своего учения в массы), – что нет никаких правильных пацанов, нет правильного базара, что будь ты правильным пацаном с правильным базаром, а я им и был, то если бы меня избили эти два человечка, все думали бы, что надо было не курить и бухать, а боксом с детства заниматься, а будь я телкой, говорили бы, что не надо в короткой юбке по темным переулкам шастать.

Затем Паша рассказывал, как отмутил гопников в подворотне, но не испытал никакого чувства радости, а испытал только горечь и разочарование от грустной реальности, а Петров почему-то представлял, что на Пашу падал в тот момент столб яркого света с самых небес, пронизанный снежинками или пылью, в

зависимости от того, в какое время года Паша повторялся в своем повествовании.

Между Петровым и молодым человеком с одной стороны и лавочкой и пьющими людьми с другой, хрупая твердыми от холода подошвами ботинок по жесткому снежному крошеву, прошли несколько школьников, класса, может быть, шестого. Они были замечательны тем, что отличались от людей на остановке яркими цветами своих одежд и рюкзаков: красный, синий, зеленый, желтый, фиолетовый, голубой – вот это всё. Школьники тоже молчали, притворяясь серьезными, но, когда на их пути оказалась полоса черного льда, накатанного на тротуаре, они выстроились в очередь, и каждый скользнул по этой полосе, прежде чем пойти дальше. И молодой человек, и пьющие люди, и Петров проследили ход школьников оттого, что делать было больше нечего.

Когда же Петров вернулся к выглядыванию хоть какого-то подъезжающего транспорта, то увидел небольшой желтый автобус, стоявший на перекрестке. Ветер был в сторону Петрова, поэтому белые дымы из выхлопной трубы автобуса оборачивались вокруг правых автобусных колес, как кошачий хвост. С перекрестка номер автобуса было не разглядеть, но при приближении оказалось, что это ноль восьмая маршрутка, и сразу же Петров понял, где находится, понял, что каждый день видит улицу, на которой теперь стоял, когда выходит покурить из гаража, и даже видит эту троллейбусную остановку вдалеке, которая кажется просто далеким синим пятном с кучкующимися возле нее людьми. Сразу же вся география вчерашней поездки стала понятна Петрову так, что он увидел себя в этой географии как будто бы сверху, хотя при этом смотрел, как автобус проезжает как будто бы мимо, но останавливается при виде возможных пассажиров, и хвост дыма за автобусом скатан воздухом в клубок, как заячий хвост, но тем сильнее расправляется в пахнувший бензином шлейф вдоль правых колес по мере того как скорость автобуса становится меньше и меньше.

Сквозь белые от мороза стекла автобуса не видно было, сколько людей там ютится, а с сидячего места изнутри салона не был виден путь, который проходил автобус. Петров сел на место возле печки, так что жар сначала нагрел его лодыжки и стал подниматься выше. По мере того как Петров нагревался, появились и первые ощущения гриппа, в легких что-то захрипело, носоглотка пусть и оттаяла, но так и осталась сухой, при этом в самом носу, ближе к ноздрям, что-то захлюпало. Не успел автобус проехать и пары остановок, а Петрова уже развезло по сиденью, и дышал он уже ртом, а дыхание у него было

такое, что женщина спереди пересела в другую часть автобуса. Осуждать ее было не за что, кажется, совсем недавно, а именно девятого марта, Петров и сам сел напротив двух симпатичных тетенок, судя по разговору – учителей в школе, филологинь, а разило от них так, будто вечером ранее они пили в невероятных количествах какой-то эпической силы термоядерный деревенский самогон.

– Оплачиваем проезд, – абстрактно сказала женщина-кондуктор, похожая на продавщицу советского продуктового магазина своим недовольным голосом и вообще всем своим видом.

Похоже, она уже заранее готовилась к тому, что Петров, пахнувший сивухой, начнет хамить или кокетничать, отпуская глупые шутки ради того, чтобы проехать на халяву. Еще в ее суровом пятидесятилетнем лице, осанке, подогнанном к плотному телу пуховике, толстых штанах, тяжелых ботинках было что-то армейское, так что сразу вспоминались фильмы «Взвод» и «Цельнометаллическая оболочка». Петров заранее ужаснулся тому, что в кошельке у него не окажется мелких купюр или металлической мелочи, так что это будет выглядеть так, будто он из тех пассажиров, которые возят с собой тысячную купюру вместо такого проездного. Вкупе со спиртовыми парами, которые он невольно изрыгал, и его позой на автобусном креслице это могло выглядеть еще более некрасиво, это уже могло выглядеть так, что он шикует в рюмочных на те деньги, которые мог отдать кондуктору, чтобы потом, развалясь в автобусе, издеваться над работниками транспорта, сознательно подсовывая им деньги, которые они не могут разменять. Проблема была в том еще, что Петров не мог найти кошелек сразу, а стал шарить по карманам, которых у него оказалось теперь больше, чем он ожидал, и чем дольше он это делал, тем тяжелее становился взгляд кондуктора.

– Не можете расплатиться, так просто выйдете на остановке следующей, вот и всё.

Если до этого Петров не особо обращал внимание на то, сколько человек в транспорте, то теперь сразу заметил, что их пятеро, включая паренька с рюкзаком и шарфом и женщину, которая от него отсела. Была еще пожилая женщина с тележкой на колесиках, еще один парень, но постарше того, что стоял с Петровым на остановке, но несколько другого типа – это был скорее спортсмен, такой толстенный и плотненький, вроде штангиста, из тех Робин Гудов, которые любят восстанавливать мировую справедливость, добиваясь, чтобы старушке уступили место в метро, чтобы кто-то убавил громкость в

наушниках и чтобы все платили за проезд; самое плохое, что рядом с этим пареньком-спортсменом сидел еще один такой, видимо, его друг, и они уже поглядывали на Петрова с некоей претензией и даже вызовом. Да что уж там – и женщина, которая отсела, и старушка с тележкой глядели совершенно так же, как и молодые и бодрые спортсмены. От их взглядов Петрову стало жарче, нежели от печки и гриппа вместе взятых. Последний раз Петров чувствовал себя так только на классном собрании по поводу приема в пионеры, когда называли всякие кандидатуры на прием, а ему уже было неловко, что очередь дойдет до него и все вцепятся в его кандидатуру, обсуждая ее так и эдак.

Кошелек оказался в таком месте, куда Петров его обычно не убирал – в нагрудном кармане рубашки под свитером. То-то Петрова самого удивлял этот фокус при ощупывании себя: снаружи кошелек прощупывался, а в кармане дубленки, куда Петров обычно кошелек и клал, кошелек не оказывалось. Дрожащими пальцами Петров вытащил полтинник и подал его кондуктору.

– Алкашня, – сказала женщина-кондуктор в проход, когда отсчитала Петрову сдачу и с отвращением оторвала полбилета.

Вообще, она, кажется, хотела пикировки с кем-нибудь, потому что не только обозвалась, нарываясь на ответное хамство, но и сунула полбилета в руку Петрова с нескрываемой какой-то неудовлетворенностью. Точно таким же образом она обошлась с семейной парой, которая влезла в автобус на следующей остановке, и там глава семейства не удержался и спросил, почему кондуктор так хамски сует билеты. В ответ женщина-кондуктор швырнула в него мелочью. Это был вымирающий вид кондукторов, его надо было пожалеть, Петрову такие кондуктора не встречались уже давно. Если среди пассажиров троллейбуса встречались психи, то кондукторы были без исключения милы, была среди них даже такая женщина-кондуктор с фотографической памятью, которая спросила, почему Петров перестал с ними ездить. «Ну как же перестал, вот он я», – ответил Петров. Так вот, почти не осталось грубых кондукторов, их надо было лелеять, показывать их туристам, однако пассажир, которому швырнули мелочь, так не считал. Путем витиеватого высказывания дрожащим от сдерживаемого гнева голосом он дал понять, что подозревает, что у кондуктора давно не было никаких интимных отношений ни с противоположным, ни со своим полом, еще он, кажется, намекнул, что интимных отношений у кондуктора не было вообще никогда, а если и были, то партнер кондуктора был очень непредвзят.

– Что-о-о-о-о? – протянула неожиданно тонким голосом женщина-кондуктор, был еще шанс, что она расплачется от обиды, мужчина начнет извиняться, что-нибудь такое должно было произойти в идеале, но после своего длинного «что» женщина-кондуктор сказала такую фразу, после которой Петров стал невольно искать какой-нибудь стоп-кран или ручку катапульты, чтобы как-нибудь побыстрее оказаться вне салона.

– На свою шлюшину посмотри, – сказала женщина-кондуктор.

Самое неприятное в этом всем было то, что мама у Петрова была некоторыми чертами характера как этот кондуктор: не стесняясь в выражениях, подслушанных и выученных у себя на заводе, она совершенно с места в карьер могла начать бороться за справедливость в любых общественных местах, при этом голос ее обретал зычность оратора и какие-то особые подвывающие нотки, похожие на панику, от которых Петрову, когда он был ребенком, в очереди, или в транспорте, или в магазине, или в школе хотелось провалиться сквозь землю. Ко всем учителям Петрова мама спокойно обращалась на «ты», это было еще хуже, чем скандалы в общественных местах. Когда по телевизору показывали интервью и интервьюируемый прохожий начинал мямлить, пугаясь микрофона, которым в него тыкали, мама говорила: «Эх, меня бы туда, я бы показала». От таких заявлений Петрова начинало колотить мелкой дрожью. Он нисколько не сомневался в том, что мама бы «показала», но смог ли бы он после этого выйти на улицу, Петров очень сильно сомневался. Конечно, Петров и сам не был ягнечком: слал на три буквы клиентов, если был какой-то вопрос в цене ремонта, слал клиентов на три буквы, если они сомневались в его компетентности, ходил в замасленной одежде в ближайший супермаркет и слал на три буквы охранников, если они не были довольны его внешним видом, вместе со всеми унижал криворукого слесаря из гаража МЧС неподалеку, который бегал к ним в бокс за советами, – все это было, но все эти послы были чем-то традиционным. От автослесаря никто особо никогда и не ждет, чтобы он сыпал латынью. Петрова бы даже не поняли, если бы он, открыв капот, не сказал, печально вздохнув: «Да-а-а, б...» Большинство клиентов даже приняли бы за признак слабости, если бы в споре о деньгах за работу он стал говорить фразами типа «Что вы, что вы, в своем ли вы уме, этих денег явно будет недостаточно». Но все же была в поведении Петрова и других слесарей какая-то грань, через которую они не могли перешагнуть, допустим, никогда при споре с клиентом не затрагивались родственники или те люди, которые были с клиентом, дальше посыла на три буквы и выталкивания машины из гаража дело не доходило, тем более никто никогда не швырял в лицо клиента сдачей. Если бы женщина-кондуктор ограничилась этим коротким посылом, они обменялись

бы с пассажиром обычными в этих случаях фразами, сама иди, нет, ты иди, и всё в таком духе, но нет ведь.

Пассажирка вступилась за себя, и Петров, покаяв стекло ногтем и поглядев на улицу сквозь стекло автобуса, с тоской определил, что до метро ему ехать еще остановки четыре.

– Че, у хахаля денег на такси не хватило? – спросила женщина-кондуктор. – На гондоны хоть хватило? А то будете тут еще потом со своими вырождаками ездить.

Петров заметил, что на своем месте ерзает не только он один, но еще и парень с рюкзаком.

– Коля, останови автобус! – приказала женщина-кондуктор, но Коля не останавливал, злая парочка язвительно рассмеялась.

«Коля, правда, остановил бы ты уже, а?» – подумал Петров с невыразимой меланхолией, решая про себя: выйти или все-таки дотерпеть до нужной остановки.

– Коля, останови автобус! – закричала женщина-кондуктор, добавив голосу истощности, а лицо ее стало свекольным.

– Здесь запрещена остановка! – заорал Коля в ответ.

– Мы все равно не выйдем, – сказал мужчина. – Мы оплатили проезд, с какой стати нам выходить?

– Ну так молодые люди вас выведут, – нашлась женщина-кондуктор, апеллируя к двум спортсменам.

Тут спортсмены заерзали на месте точно так же, как Петров и парень с рюкзаком.

– А че мы-то? – удивился один из спортсменов.

Тут женщина-кондуктор словесно сцепилась уже с четырьмя персонами сразу, напоминая этим Шреддера из «Черепашек-ниндзя». Во время спора пассажир и пассажирка одинаково покраснелись от гнева, эта краснота как будто передалась на спортсменов, когда они пытались пробубнить что-то в ответ на оскорбления кондуктора. Даже в катафалке с трупом было более комфортно, чем в таком автобусе.

Коля сжалился, остановил и распахнул обе дверцы, словно разом стравив накопившееся давление из аварийных клапанов. Петров выкатился наружу из задней двери, которая была ближе к нему, парень с рюкзаком – из передней, следом за ними выкатились порознь и два спортсмена. Оба отпыхивались, как после пробежки, лица их были розовы, как после бани, из-под их одинаковых черных вязаных шапочек стекали крупные капли пота. Парень с рюкзаком, наоборот, был очень бледен.

– Ну это капец ваще, – сказал один из спортсменов, вытирая лицо шапкой.

Не как после бани были спортсмены, они походили на купцов, которые только что обпились горячего чая.

– Вы-хо-ди-те! – доносился из автобуса громкий кондукторский голос. – Дальше автобус не поедет!

– С какой стати? – кричал мужчина. – Вы деньги сначала верните, а потом выгоняйте!

– Подавись, – артикулируя по возможности четко, сказала женщина-кондуктор, и Петрову показалось, что он услышал, как по прорезиненному полу рассыпалась мелочь.

– Двери хотя бы закройте! – слышался голос старушки с тележкой на колесиках. – Не июнь месяц на улице.

Двери автобуса закрылись, но закрылись как-то неуверенно, будто портьеры театрального занавеса, будто после антракта было заявлено второе действие. Бывшие пассажиры автобуса бросились каждый в свою сторону: спортсмены подались через дорогу, паренек с рюкзаком зашагал в киоск, Петров пошел по ходу автобуса, раскуривая сигарету. Из-за того что за ночь в горле скопилась

всякая простудная дрянь, первая затыжка была какой-то тухлой, с запахом подгнившего мяса. Петров поглядел по сторонам, убеждаясь, что никого не обидит своим жалким видом, и с отвращением похаркался в лежащий вдоль тротуара сугроб.

Путь до метро был еще более прям, чем обычно, потому что Петров знал, куда и сколько ему еще примерно идти. Он все ждал, когда же его догонит злополучный автобус, автобуса же все не было, хотя, скорее всего, Петров его просто пропустил, когда заходил в аптеку, находившуюся в углублении улицы, возле засыпанного снегом сооружения, похожего на фонтан. Петров пытался не отвлекаться от дороги, но очередь из двух старушек в самой аптеке могла невольно и отвлечь его.

Старушки были замечательные: одна покупала многочисленные лекарства, подолгу сравнивая их со своим кустарным прайс-листом на поношенном клочке бумаги, вырванном когда-то из тетради в клеточку, другая сверялась со своей собственной памятью, и это было еще хуже, чем если бы у нее был листочек. Когда старушки вышли одна за другой, в аптеке перестало пахнуть аптекой и стало пахнуть обычным магазином, по типу хозяйственного, то есть старушки действовали на аптеку как елочки с отдушкой в автомобилях.

Увидев Петрова в окошечке кассы, аптекарша сразу сказала, что шприцы и «Коделак» она без рецепта ему не продаст.

Петров замер, пробуя сформулировать какую-нибудь интересную шутку, связанную с тем, что аптекарша с лицом строгого, но справедливого советского педагога начальной школы приняла его за наркомана. Одновременно с этим Петров понял, что его вообще очень часто принимают за наркомана; видимо, какой-то нездоровый образ жизни, который Петров вел, ковыряясь под машинами, как-то отражался на его внешнем виде. Шутка должна была обыгрывать именно вот это вот всё. Петров даже скорчил шутливую гримасу, чтобы начать шутить, пока не понял, что стоит уже с этой гримасой несколько секунд, как бы оценивая свою горькую наркоманскую судьбу, как бы придумывая причину, по которой аптекарша должна дать ему и шприцы, и какой-нибудь кодеиносодержащий препарат, про который она еще не знает (хотя почему она должна не знать, она же аптекарша). А еще Петров растерялся. Как бы часто ни принимали его за наркомана, всегда это происходило неожиданно, и всегда люди говорили, что Петров – наркоман, с пугающей Петрова прямоотой, как-то даже его тетка сказала, что он тратит заработанные деньги на героин, и Петров

так же вот впал в ступор, не зная, что ответить на это. Так однажды в детстве отец попросил его купить растворитель, и Петров пошел за растворителем, а чтобы не тащить его в руках, купил еще и пакет, а кассирша начала его стыдить, как настоящего малолетнего токсикомана, говорить, что пойдет сейчас к нему домой и все расскажет родителям, а Петров стоял и краснел со слезами на глазах.

Он уже и купил парацетамол, и шел до метро, и купил газировки в киоске, и выпил парацетамол, и спустился в метро, обойдя несколько уборщиц в оранжевых жилетах, скобливших нетающий снег на каменных ступенях, и прошел мимо милиционера, который тоже, видимо, приняв его за наркомана, как-то потянулся к Петрову, но потом заметил более явного, чем Петров, азиата и отвлекся, Петров отстоял очередь в кассу с жетончиками и все продолжал дуться на аптекаршу, как будто она была виновата в том, что никакая остро?та не пришла ему в голову. И только при виде сидящей за стеклом кассирши метро, при виде ее крашенных в рыжий цвет волос, завязанных в тугий хвостик, Петрова озарило.

«Надо было не мяться, а попросить три настойки боярышника и гематоген», – подумал Петров и внутренне застонал от того, что эта шутка не появилась к месту. Жаль, что нельзя было уже вернуться и повторить все сначала.

С Петровым так было почти всегда. Только в вагоне метро в памяти стали появляться интересные истории из гаража, которых Игорь просил прошлым вечером в машине бомбилы. Не ахти это какие, может быть, были истории, и неизвестно, как бы их оценил Игорь. Но была совершенно чудная байка про то, как у них, вечно бегающих и чем-то занятых людей, появился доставщик готовых обедов, где были, в частности, пельмени, и только пельмене на седьмом они поняли, что это пельмени с капустой – настолько все были голодны и разогнаны работой. Или была история про то, как владелец «газели», чеченец, жаловался на одного своего водителя маршрутки, который уходил в непредсказуемые запои, причем что только с ним ни делали: и били, и вывозили в лес, и ставили на счетчик, а потом били и вывозили в лес, и ходили жаловаться его маме, – но водитель так и продолжал пить. Чеченцу предложили уволить нерадивого шофера, но тот лишь побледнел и сказал, что это не по-человечески, а потом разрыдался в бессилии. Петров подозревал, что истории эти были смешны только в момент, когда происходили, а в его муторном пересказе потеряли бы часть очарования, но это было бы все равно лучше, чем просто отмалчиваться в ответ на язвительные требования Игоря, оставляя впечатление, что ничего

человеческого в боксе не творится, а лишь крутятся бездушными людьми мертвые гайки.

Напротив Петрова в вагоне метро сидел целый класс младшей школы с каким-то педагогом или главой родительского комитета, педагог (или глава родительского комитета) – женщина, похожая на аптекаршу, неотличимая от аптекарши настолько, что можно было предположить, что эта одна и та же женщина, – смотрела на Петрова так же осуждающе, а Петров почему-то отвлекся от гаражных баек, когда заметил этот её взгляд, и подумал, что странно, столько всего изменилось в стране с того времени, как сам он был младшим школьником, а аптеки, и поликлиники, и педагоги остались совершенно такими же. мода никак не отразилась ни на косметике педагогов, ни на их методах, ни на оформлении аптек, разве что в аптеках появились цветные рекламные плакатики препаратов от простуды, и всё. Даже вот эта плексигласовая перегородка оставалась прежней, все так же опоясывала помещение аптеки по периметру и отгораживала посетителей от лекарств, но при этом самые популярные из них всегда стояли прямо за перегородкой, как в витрине. И всегда было полукруглое окошечко, а аптекарь всегда был в белом халате, хотя и непонятно зачем. И еще над окошечком всегда была надпись: «Касса», хотя что это могло быть, кроме кассы?

Как всегда было с Петровым в метро, так произошло и на этот раз: он хватился, не пропустил ли свою остановку, когда поезд еще ехал в длинном перегоне между «Машиностроителей» и «Уральской», был там такой медитативный участок пути с некоторым изгибом, когда интересно становилось, какие вещи выделяет перспектива, если смотреть сквозь окна между вагонами на следующие вагоны; это напоминало толстый учебник по рисованию, который был у одного из школьных товарищей Петрова. Петров несколько раз брал почитать этот учебник, но всегда пролистывал и главу о перспективе, и главу о цвете, из главы о цвете он помнил только что-то про теплые и холодные цвета и про насыщенность, а больше не помнил ничего. Далее в учебнике были главы с гипсовыми слепками головы Аполлона, с гипсовыми кубами и шарами (хотя, если быть точнее, сначала были кубы и шары, а потом уже – голова Аполлона во множестве ракурсов), вот на этих главах Петров и зависал и никак не мог продвинуться дальше, хотя нет, продвигался. Еще были отдельные глаза, носы, уши, тоже гипсовые, Петров возился и с ними тоже. А вот следом шли портреты людей, отпугивающие своей фотографической точностью и невыносимым мастерством, а Петров никак не мог понять этого чуда, перехода из упражнений с гипсом в живой человеческий портрет, переданный всего лишь несколькими взмахами карандаша. Всё, чему он научился, – это улавливать обычное сходство,

когда сообразил, что все головы суть есть голова того же самого Аполлона, просто с вариациями, но это был потолок Петрова, и он сам это понимал, как бы ни хвалили его одноклассники.

Вот почему вопрос Игоря про писателей и художников, заданный шоферу в катафалке, так не понравился Петрову. Это был такой неосознанный, а еще хуже, если осознанный подкоп под Петрова, который не мог сознаться теперь в своем увлечении никогда в жизни. Петрова удивляло, когда люди рассказывали о себе невероятные по откровенности вещи, от некоторых писателей волосы вставали у Петрова дыбом. Например, при описании отношений Степана Трофимовича и маленького Ставрогина бедного Петрова начинало мутить, а лимоновское «Это я – Эдичка» Петров даже не смог дочитать до конца, настолько Лимонов бросился в такую жуткую откровенность. Лимонов в момент чтения казался Петрову таким Чикатило, дающим интервью перед самой смертной казнью. Даже пыткой нельзя было узнать от Петрова, что он, в свой почти тридцатник, рисует комиксы и пытается косить под японцев в этом плане. Причем Петров понимал, что, будь это какая-нибудь порнуха с чудовищами, мужики бы еще прониклись творчеством Петрова, про это можно было рассказывать без стеснения. Но это были комиксы про полицию будущего, про боевых роботов и злых киберпреступников, про небоскребы, взрывы, летающие машины, мутантов, разлетающиеся осколки – и всё это казалось Петрову невыносимо жалким, бездарным и, судя по тому, что сыну это нравилось, это было чудовищно плохо.

Петров снова спохватился, что проехал свою остановку, но это была еще только «Динамо». Педагогиня призывала учеников к тишине и предупреждала, чтобы все приготовились, потому что выходить через остановку, еще она окликала особо буйных, беспокоясь, что особо буйные уже вышли где-нибудь не там, где она планировала. За время поездки шальные дети успели уже вычудить несколько номеров: единожды школьник успел сказать «жопа» на весь вагон, и, как бы ни ругалась педагогиня, остальные дети одобрительно улыбались; успел один из школьников уже предложить своим одноклассницам выйти к вертикальному поручню и воспользоваться им как шестом для стриптиза, на что педагогиня заметила, что школьник уже повторяется в своих шутках, уж не хочет ли он, чтобы эта шутка ей особенно запомнилась, дабы она рассказала ее на родительском собрании, может, его родители тоже порадуются чувству юмора своего сына; успели уже школьники докопаться до классного ботаника, игравшего на телефоне, и успели обступить мужчину, который читал электронную книгу, успели похихикать над отпыхивающимся под гриппом Петровым, успели предостеречь одну из одноклассниц, чтобы она больше не

падала в эпилептические припадки, успели изобразить этот припадок.

На самом деле спокойно сидел почти весь класс, а бесновались всего три человека, не считая педагога, но и этого хватило, чтобы Петров с облегчением вывалился из вагона на гранит станции «Площадь 1905 года» и бросил сочувствующий взгляд остающимся в вагоне пассажирам. Он не сомневался, что его сын ведет себя гораздо лучше – его сын был как раз из тех ботаников с сотовым телефоном, или книжкой, или мечтательностью во взгляде. Это именно его в основном толкали и подкалывали за его медлительность и мечтательность, поэтому Петров испытывал особую неприязнь и к мальчику, игравшему на телефоне, и к его буйным одноклассникам.

На перроне было немного людей, и большинство из них топтались на месте и сидели на лавочках, стремясь в ту сторону, откуда Петров только что приехал, – в том направлении были вокзал, автовокзал и рынок. Между блестящих металлических колонн гулял веселый голос автоматического диктора, призывающего не подбирать найденные сумки. Пара милиционеров стояли спиной к Петрову, и, проходя мимо них, Петров коротко позавидовал женщинам, которым нужно было творить невообразимые вещи, чтобы их остановили для проверки документов. Сам Петров не носил документы, когда передвигался по городу с помощью общественного транспорта. Как бы его ни подозревали в употреблении наркотиков при себе у него все равно никогда не было, плюс был у него номер милицейского начальника, а его «немцу» они неоднократно меняли масло, и тормозные колодки, и диск сцепления, так что если и могли задержать Петрова для выяснения личности, то ненадолго.

Петров не понимал, как можно работать патрульным милиционером, он не представлял, как это – слоняться по перрону или по улицам и выискивать каких-то нарушителей либо останавливать людей для выяснения. Это было невыносимо скучно. Было на его памяти несколько дней, когда он вообще не видел солнца из своей ямы: как пришел в темноте, так и уезжал с наступлением ночи; были дни, когда он зависал в гараже с ремонтом несколько дней подряд, вообще не бывая дома, причем эти дни – с полярным днем и ночевками в гараже – вообще показались ему пролетевшими незаметно. Вот это, по его мнению, и было настоящее веселье, которое нельзя было пересказать Игорю никакими словами, потому что он все равно бы не понял, как это: собрать коллектив из нескольких гаражей в полвторого ночи и всей толпой, вместе с хозяином машины, смотреть под капот уже ничего не соображающими глазами и пытаться понять, почему машина не заводится. Не объяснить, как это – целый

день чинить бесплатно автомобили каких-то друзей, и знакомых, и родственников, каких-то знакомых гаишников, знакомых ППСников, а потом радостно смеяться над шуткой «Петров, у нас сегодня субботник, как у проститутки!», сказанной радостным голосом как бы комсомольского энтузиаста.

Паша, словно прочитав его мысли, позвонил тотчас же, как только Петров вышел на поверхность земли, где, в отличие от метро, брала сотовая связь. По голосу Паши было понятно, что он тоже заболел.

- Ну как ты там? - спросил Паша. - Нахрена вот ты вчера на работу приперся? Я тоже выскочил сегодня, но что-то покрутил-покрутил и думаю, да ну его, чуть не сдох, сдал машину соседям и домой пополз.

- Да лучше бы я в гараже остался, - в сердцах сказал Петров, - зря я к этому таксисту подсел. Он меня только до ТюЗа подбросил, а дальше пришлось троллейбус дожидаться. Я тебе потом расскажу, у тебя деньги на телефоне не лишние.

- Ну да, - согласился Паша, - давай с домашних созвонимся, если я смогу разговаривать. Меня пидорасит по-черному. Только усну, а там бесконечный урок литературы, а я у доски стою и какую-то ерунду, какую-то поэму сдаю, хотя и не учил, пытаюсь так придумать, чтобы и своими словами, и в рифму. Это трындец. Главное, уже что только ни принял, прет и прет.

- Хорошо хоть грипп не кишечный, - заметил Петров, - а то бы и полежать не удалось как следует первое время.

- Это да, - согласился Паша. - Ну ладно, давай.

Казалось, что, прежде чем бросить трубку, Паша зазвенел ложечкой в кружке и куда-то заворачивался, как в кокон, - такое от него послышалось уютное шевеление, похожее на меховое.

Чем ближе был к дому Петров, тем тяжелее ему становилось. Это было похоже на высокогорное восхождение с его кислородным голоданием и самым отчаянным холодом в самом конце. Меховой уют в окончании Пашиного звонка подчеркивался общим неуютом продуваемой вдоль улицы Малышева,

стеклянной остановкой, ветер в которую не задувал, но на ветру почему-то было не так холодно, словно нутро остановки концентрировало в себе окружавший мороз. Сбоку внутри остановки была приклеена реклама турфирмы, где папа, мама и дочь отвисали в купальных костюмах, и казалось, что волна за ними – просто кусок льда, а от вида их голых тел становилось совсем ужасно. Еще и троллейбусы, как на грех, шли только семнадцатые, один за другим, спустя четыре семнадцатых пришла тройка, но в нее невозможно было залезть, настолько она была полна. Двери третьего троллейбуса просто открылись, чтобы показать спины пассажиров, пучащиеся изнутри, как диванная обивка, потом с трудом сомкнулись, и троллейбус поехал себе дальше, и непонятно было, зачем он вообще останавливался.

Спустя несколько сигарет, несколько обширных по времени приступов кашля между мелкими покашливаниями, спустя несколько пустых, но ненужных троллейбусов и несколько нужных, но наполненных людьми до невозможности, после того как были передуманы на свой лад, несколько раз спеты, а потом забыты строчки «Троллейбусы идут на Магадан, идут туда, но мне туда не надо», пришла все же пустая тройка. Она шла следом за полной тройкой. Эти две тройки одновременно остановились на одной остановке, но почему-то пассажиры передней, несмотря на толкотню, не спешили пересаживаться в более свободный троллейбус, и в Петрова закралось подозрение, что вторая, пустая тройка идет куда-нибудь в парк. И все же он рискнул и метнулся к пустому троллейбусу.

- Вы в парк идете? – спросил он кондуктора.

- Нет, – сказала кондуктор.

- А почему тогда люди к вам не пересаживаются?

- Я тоже несколько остановок уже об этом думаю, – сказала кондуктор, – только вон девочка и пересела.

Она показала рукой на место рядом с кондукторским, и у Петрова ёкнуло в сердце, потому что это была вчерашняя девочка, из-за которой старичок и семнадцатилетний парень устроили потасовку. Девочка посмотрела на Петрова и поздоровалась с ним, Петров на автомате поздоровался с ней тоже и зарделся так, словно это он вчера поделился с ней своими этнографическими

наблюдениями.

Учтя вчерашние ошибки, Петров сел там, где его нельзя было разглядеть с проезжей части, и там, где ему не видна была девочка, то есть сел он прямо спиной к ней на переднее место, предназначавшееся для пассажиров с детьми и инвалидов, причем сел не с водительской стороны, а со стороны дверей. Это было не очень удобно, потому что пластиковая перегородка перед спускавшимися к выходу из троллейбуса ступеньками упиралась ему в колени, хотя это он, скорее, упирался коленями в перегородку, а она опасно выгибалась, грозя треснуть окончательно. (Там уже была трещина, сделанная, видно, или пассажиром с детьми, или детьми, или инвалидом.)

В троллейбусе было холодно, однако после улицы это было не так заметно. Через водительское окно виднелись лица пассажиров троллейбуса, шедшего впереди, и Петров с трудом удерживал себя, чтобы не покрутить им пальцем у виска и не сделать приглашающие жесты рукой.

От несчастных пассажиров Петрова отвлек узкий пяточок остановки возле театра «Волхонка», где обещались новогодние представления, и Петров злорадно подумал, что уже купил билет в ТЮЗ. На стекле возле Петрова было наклеено объявление о том, что троллейбусы тридцать первого декабря уйдут в парк к одиннадцати часам, почему-то в этом объявлении было для Петрова больше новогоднего настроения, нежели во всех этих гирляндах, висящих по городу, и в новогодней рекламе по телевизору. Петров вспомнил, как пару лет назад сбегал, докупая шампанское, в киоск возле дома, а когда возвращался в одиннадцать сорок пять, в застрявшем лифте кто-то бился с пьяным грустным ревом, понимая, что раньше первого часа ночи его никто не освободит.

Ротозейничая по сторонам, Петров пропустил появление сумасшедшей. Невозможно было не заскучать, выезжая сложным крюком от Московской горки до Центрального стадиона, потому что там всегда была если не пробка, то какой-то небольшой затор, связанный с корявой развязкой и узкой дорогой, примыкавшей к другой узкой дороге. Обычно до Центрального стадиона ехали провинциальные тетки с клетчатыми китайскими баулами, они пыхтели, поминутно спрашивали остановки, тревожно смотрели в окна, боясь пропустить свой выход. Они не были болельщицами, просто напротив стадиона располагалась тюрьма, и все эти тетки спешили туда, к своим сыночкам. Смотреть на них было невыносимо, потому что Петров и сам мог в свое время туда угодить по совершеннейшей своей юношеской глупости. Он точно мог

представить, что его мать так же бежала бы за транспортом в чужом каком-нибудь городе, где Петров бы сидел, так же беспокойно спрашивала бы остановки, и поэтому Петров чувствовал к суетливости теток брезгливое отвращение. Он всегда отворачивался или забивался в уголок, когда видел их сбитые набок или сползшие с головы на шею, на манер пионерского галстука, платочки, их катящийся из-под шапок пот, как будто тетки только что играли в снежки на улице. Не мог он переносить их какое-то извиняющееся выражение лица, потому что помнил, как скандалили женщины в гараже, угрожая мужем-бандитом; сейчас такие угрозы стали реже, а вот в конце девяностых, когда Петров только начал вертеть гайки, такое было сплошь и рядом. Он с легкостью мог предположить, что среди одной из таких теток могла быть такая, которая вот так вот скандалила в прошлом. Взять того же короля Лира, читать-то про него нелегко, смотреть невозможно, а предположить, что в троллейбусе их таких может быть до нескольких штук сразу, – это как пару раз подряд пережить киносеанс «Белого Бима Черное ухо».

Петров пропустил появление сумасшедшей, иначе бы, как только она вошла, как-то приготовился бы к тому, что она безумна, не стал бы говорить ей ни единого слова, потому что именно на слова-то сумасшедшие и были особенно падки.

Петрова потолкали в плечо; когда он отвернулся от окна и посмотрел на того, кто его толкал, он увидел молодую женщину, слишком легко одетую для такой погоды: на ней был синий осенний болоньевый плащ и легкие перчатки без пальцев. Женщина была очень ярко накрашена. Привыкший к тому, что его жена вовсе не пользовалась косметикой, Петров отметил это особенно, тем более что накрашена женщина была по моде конца восьмидесятых – со всеми этими яркими тенями с блестками, темным тоном, подчеркивающим скулы, помадой, лежавшей толстым слоем на губах. Волосы женщины, вздыбленные химзавивкой, были разнообразно расцвечены как бы натуральными цветами, но обилие этих натуральных оттенков вызывало ощущение пестроты.

«Ни фига она клоун», – невольно подумал Петров и даже мысленно улыбнулся такой безвкусице, но улыбка эта сползла, когда паяц начал свой номер.

– Вы в курсе, что это место для пассажиров с детьми? – спросила женщина, и в интонации ее ничего не предвещало, хотя странно было, что она докопалась до Петрова, когда в салоне была масса свободных мест.

Петров решил, что на месте, которое он занял, просто теплее, чем на других местах, потому что они были дальше от кресла кондуктора, которое отапливалось, а ребенку, который держал женщину за руку, несомненно, требовалось тепло. Это был мальчик лет, может быть, четырех, тоже одетый в оранжевую осеннюю куртку, вязаную шапочку и фиолетовые резиновые сапоги. При том что не видно было, что мальчик мерзнет или как-то вообще болезненно переносит мороз, губы у него были такие же фиолетовые, как и его сапоги. Петров торопливо заизвинялся, торопливо сполз с места и пересел на другое.

Женщина, однако же, от Петрова не отстала. Сунув ребенка на отвоеванное сиденье, она снова подошла к Петрову и снова потрясла его за плечо.

– Вы вообще стыд испытываете когда-нибудь? – спросила женщина. – Вы понимаете, что мой сын (тут она потыкала пальцем в направлении чада) – будущее человечества? Последняя надежда Земли.

«Приехали», – подумал Петров, хотя никуда еще, конечно, не приехал, а продолжал катиться на троллейбусе.

Тут из-за туч, как по заказу, вылезло солнце, отчего внутреннее убранство троллейбуса, с обилием инея и льда на окнах и нетающего снега на полу, стало напоминать морозильную камеру, а поведение нервной пассажирки в солнечном свете и синих тенях желтых поручней обрело особенный какой-то градус отморозенности.

Женщина заговорила про открытую чакру ее сына, про то, что у обычных людей аура белая, а у него – синего цвета. Она сказала, что он уже умеет читать, писать и считает до тысячи и обратно, знает множество английских и немецких слов. Еще она сказала, что у ее сына порок сердца и диагноз «слабоумие», но все это ложь. Бабка из соседней Екатеринбургской деревни давно всё исправила, и мальчик занял первое место на детском литературном конкурсе, но все жюри куплено, и поэтому сказали, что стихи писала его мама. Петров только кивал в ответ и прижимался поближе к окну, чтобы находиться подальше от женщины, которая, несмотря на весь пыл своей речи, так и не решилась сесть рядом. Еще Петров старался не делать лишних движений и строил виноватую гримасу, как собака, которую ругают за лужу или съеденное со стола. Он думал, что с его другом Сергеем родители сделали, по сути, то же самое, выставили ему впереди Джомолунгму, вершину которой он должен был достичь непременно успехами, чередуясь один за другим, задали ему какую-то недостижимую

планку, а между тем Сергей даже на уроках физкультуры не мог перепрыгнуть через планку вполне реальную, боясь сбить ее и опозориться – не то чтобы он не мог, он даже не пытался перепрыгивать через нее, говоря, чтобы ставили двойку, и он уйдет. Мальчику в троллейбусе, конечно, вряд ли грозило такое разочарование в жизни с его слабоумием, которое, конечно, даже самая мощная колдунья не сумела бы исцелить. Ему грозило умереть от воспаления легких после закаливания по системе Иванова, или вегетарианской диеты, или уринотерапии, или еще неизвестно чего, чем могла увлечься его мать, пока его растила. Мать могла уйти в секту или монастырь, и тогда мальчик мог стать одним из тех детей с благоговейным взглядом на православном канале, которые причащались святых даров, и нельзя было смотреть без ужаса на этих как бы обдолбанных седативными препаратами существ (особенно ужасны были, конечно, всякие четырехлетние девочки в старушечьих платочках). Петров кивал, а женщина продолжала затирать про то, что ее сын сам может лечить людей и предсказывать будущее. Петров хотел сказать, что тоже может предсказать ее будущее и будущее ее сына, но как-то не решился, потому что, покосившись на нее, наткнулся на совершенно дикий взгляд, от которого нельзя было ждать ничего хорошего в случае хоть какого-то сомневающегося слова.

Троллейбус остановился на конечной, когда речь женщины достигла кульминации своего безумия, когда она стала делиться тем, что ее саму во время беременности похищали инопланетяне (их зря называют серыми человечками, они на самом деле синего цвета, вот как троллейбус снаружи), что пришельцы уже и мальчика похищали несколько раз. Выйдя наружу, Петров заметался по остановке, пытаясь сделать так, чтобы женщина от него отстала, но она таскалась за ним и таскала за собой мальчика, пытаясь, видимо, как-то логично завершить разговор, мальчик поскользнулся на своих резиновых подошвах, но женщина крепко его держала, так что он, поскользнувшись, каждый раз оказывался подвешенным за руку. Петров с завистью посмотрел вслед уходящей девочке, к которой никто сегодня не полез с болтовней.

Петров купил мальчику шоколадку, а женщина вырвала шоколадку из рук ребенка и сказала, что у него аллергия на лактозу. Мальчик тупо смотрел вперед и во время того, как Петров совал ему в руку шоколад, и во время того, как мать этот шоколад из руки у него вырывала. Петров купил мальчику мандаринов, но его мать сказала, что у него диатез. Петров купил мальчику бананы, но его мать вырвала и бананы, заявив, что бананы полны калия и накапливают радиацию. В тот момент, когда Петрову казалось уже, что женщина никогда от него не отвяжется, что она так и будет преследовать его до самой квартиры, а потом, может, еще и ворвется внутрь, женщину вдруг

перехватила такая же безумица в осеннем плаще, но не с одним ребенком, а сразу с двумя детьми постарше. Женщины радостно засмеялись, целуясь троекратно, как лидеры социалистических государств со своими восточноевропейскими коллегами. Дети смотрели друг на друга мрачно, хотя не мрачно, скорее, а обреченно.

– Любушка, сестрица моя во Христе, – успел услышать Петров восторженное восклицание от подлетевшей чокнутой, прежде чем смазал лыжи с места встречи.

Он вспомнил свою вчерашнюю троллейбусную мечту о большом количестве газированной воды и сне, поэтому снова подался в киоск, в тот же самый, где покупал шоколадку.

– Быстро вы, – необходимо прокомментировала его очередное появление продавщица. – Забыли что-то?

Продавщица уже была симпатична Петрову тем, что возле нее не было детей, а еще тем, что она тоже простуженно, как и он, говорила в нос, и видно было, что она так же, как и он, выглядит простуженной, на прилавке рядом с ней стояла белая кружка, на дне был виден порошок, а рядом лежал разорванный пакетик из-под «Антигриппина», кроме тихого радио «Си» был слышен нараставший шум электрического чайника. На шею продавщицы был намотан шарф.

– Как вы умудряетесь болячки на ногах переносить, – сказал Петров, принимая двухлитровую бутылку «Колы», похожую на некий снаряд по его болезни.

– Так все заболели и отпросились, – сказала женщина, – а я просто самая последняя осталась. В этом ничего хорошего нет, честно говоря, людей заражать. Вот вы у меня позавчера сигареты покупали, может, вы от меня заразу и подхватили.

Петрову было лестно, что продавщица его помнила, поэтому он стал всячески расшаркиваться и говорить, что нет, что не от нее, что он стал заболевать раньше, еще на работе.

Им почему-то так хорошо стало от разговора друг с другом, что продавщица поздравила Петрова с наступающим, а Петров сказал, что рано еще поздравлять,

что он зайдет в киоск, возможно, неоднократно, и, чуть ли не кланяясь при каждом шаге, словно прощаясь с китайским императором, выпятился из киоска. Сумасшедших и их детей уже не было, Петров поискал глазами их яркие плащи и курточки, что легко вычленились бы в окружавшей его белизне, но улица Посадская была просторна и редка людьми. Между лавочками и кустами прогулочной зоны, что разделяла две полосы движения, гулял только собаковод с настолько мелкой собакой, что виден был от собаки больше поводок, чем она сама, и видно было, что собаковод именно собаковод по тому, как его характерно волокно по улице то к одному кусту, то к другому. Остальные люди напоминали схематические фигуры в архитектурной презентации будущего проекта. Вообще, зима, конечно, как будто убирала все лишнее и человеческое в ландшафте, оставляя опять милую глазу перспективу и изначальный замысел архитектора: не было ни мусора, ни собачьих кашек возле тротуара, не было видно, что дорога в сторону Гурзуфской заливается водой во время дождя и таянья снега настолько, что воды там становится по колено, дорога же в сторону 8 Марта всегда суха, веранда летного кафе в спорт-баре, забранная диагональными рейками, была пуста, как в первый день творения.

Петров вздохнул одновременно ртом и носом, пытаясь почувствовать запах снега, как чувствовал его еще в детстве, но только впустую выдал наружу клуб паровозного пара и пошел в сторону своей девятиэтажки. Днем всякие киосочки выглядели унылее, чем в темное время суток, было видно, что на них висят гирлянды, но гирлянды не горели, а были как будто сломаны. Со всеми этими своими пустыми огоньками и провисающими проводами, развешанными в форме елочек, надписями «С Новым годом» они выглядели так, словно Новый год уже прошел, а их еще не убрали. Петров решил, что нужно выпить еще одну таблетку жаропонижающего прямо на улице, чтобы, когда он придет домой, она уже начала действовать, а упаковки парацетамола в кармане не оказалось: видимо, вывалилась из кармана дубленки еще в метро или в троллейбусе, когда он переползал из одного угла салона в другой. Дома вроде бы еще были таблетки, а тащиться через дорогу, а потом еще по одной улице до «Кировского», а потом еще через дорогу до аптеки как-то уже не очень хотелось – слишком длинный путь был проделан до дома, если учесть, что Петров начал этот путь еще вчера и все никак не мог его закончить. Уже все более торопясь и все более не в силах торопиться, Петров прошел дворами наискосок до двери подъезда.

В теории дверь закрывалась на магнитный замок, подрядчик обещал модернизировать систему, провести трубки и даже поставить видеокамеру, но на деле магнитный замок был настолько хилый, что подростки, лентясь доставать

ключ, просто отпирали дверь рывком дверной ручки на себя, да еще и пенсионеры, и дети постоянно болели, и часто можно было видеть дверь, просто подпертую кирпичом, и увидеть на двери кустарное объявление: «Не закрывать – ждем врача». Еще из дома часто переезжали, так что можно было опять же увидеть дверь, вовсе не запертую, а опять же подпертую кирпичом, и увидеть объявление: «Не закрывать – ждем риэлтора». Еще в доме часто что-нибудь ломалось, и тогда опять была дверь, подпертая кирпичом, и тетрадный листок с надписью: «Не закрывать – ждем слесарей». Понятно, что при таком раскладе на первом этаже дома царил настоящий хаос: лампочка никогда не горела, всегда в закутке возле подвала кто-то исхитрялся помочиться, иногда исхитрялись помочиться в лифт или в закуток между стеной и трубой мусоропровода, которым уже давно никто не пользовался, а люки мусоропровода были заварены до тех времен, пока человеческая природа не улучшится, поэтому некоторые нерадивые граждане кидали мешки прямо у входа в подъезд. Ирония заключалась в том, что возле подъезда висела квадратная ржавая табличка, чьи порядком потускневшие буквы гласили, что дом, в котором живет Петров, – это дом образцового быта. Двойная ирония заключалась в том, что, даже когда Петров был очень мал, табличка выглядела несколько не свежее нынешнего состояния. Сколько он себя помнил, ступени, ведущие к лифту от входной двери, были частично выщерблены посередине, как будто кто-то сволакивал по ним очень тяжелую трубу. На памяти Петрова подъезд несколько раз красили внутри и несколько раз – снаружи. В середине восьмидесятых поменяли почтовые ящики на площадке между первым и вторым этажом, но на второй день хулиган со второго этажа вместе со своими веселыми друзьями отрабатывали удары ногами по этим ящикам, так что ящики до сих пор висели грустные от своей вогнутости. В девяносто седьмом хулигана грохнули прямо на ступеньках, выщербленных посередине, Петров как раз приехал с работы и увидел хулигана за милицейским оцеплением, как он лежал там, похожий на помятый им почтовый ящик. Товарищи хулигана хотели сменить табличку про дом образцового быта на мемориальную доску, объясняя это тем, что в Нижнем Тагиле такое сделать разрешили. Мемориальная доска так и не появилась, потому что товарищей хулигана кого пересадили, кого тоже грохнули, а следы от пятна крови долго не могли убрать со ступенек – все равно оставались какие-то контуры. Но как раз к приходу миллениума сосед Петрова с первого этажа, запомнившийся Петрову тем, что раньше у соседа был кот, ходивший на унитаз, и клетка с белочкой в колесе, стал страшно пить, а в Новый год, собравшись упиться вообще в какую-то невообразимую дымину, затарился огромным количеством водки и пива и разбил и водку, и пиво как раз на ступеньках. Свежее пивное пятно оказалось сильнее, чем старое пятно крови, и на время перебило все запахи в подъезде, оставив только горьковатый запах

хмеля, смешанный с запахом спирта.

Когда Петров подошел к подпертой кирпичом двери подъезда, в котором, судя по объявлению, ждали врача, запаха хмеля уже, конечно, не было, был обычный туалетный запах, смешанный с влажноватым запахом пара из подвала. Прежде чем идти к лифту, потому что подниматься на пятый этаж пешком не было уже сил совершенно никаких, Петров посмотрел на свою машину, скучавшую на стоянке, – на месте ли. Машина стояла там, где он ее и оставил позавчера, прикрытая инеем, будто сахарной пудрой.

Лифт тоже был в подъезде замечательный: в нем были именные надписи, нацарапанные гвоздем на фанерных стенках, из той поры, когда не было еще маркеров, были там надписи, появившиеся вместе с маркерами, особенно местные подростки любили писать черными маркерами потолще, поверх нацарапанного гвоздями прошлых поколений. Была надпись «HSH», была надпись «Prodigy», было несколько завуалированных признаний в любви, была игра «Если ты не голубой – нарисуй вагон другой», причем вагонов под этой надписью было нарисовано больше, чем было жильцов в подъезде, утверждалось, что рэп – это кал, упоминались Егор Летов и ГрОб, конечно же, не обошлось без Цоя, который был жив, несмотря на очевидный для Петрова факт его гибели под «икарусом». Еще красовались на стенках выведенные с какой-то особой любовью и тщательностью имена и отрицательные характеристики обладателей этих имен. Было объявление, обведенное рамочкой, что некая девочка из пятого класса – шлюха и сосет даже у бомжей, прилагался даже телефонный номер, по которому бомжам предлагалось звонить, чтобы разнообразить свою половую жизнь.

Надписи в лифте плавно перетекали в надписи на стенах подъезда, где было все то же самое, но выглядело все масштабнее, потому что в подъезде художник не был ограничен рамками холста. Если в лифте художник просто констатировал факт чьих-то близких отношений, то в подъезде он мог еще и подробно их проиллюстрировать в меру своих анатомических познаний и фантазии.

Петров снял шапку еще в лифте и там же начал расстегивать пуговицы дубленки, коричневые, гладкие и твердые, как ириски. Стоя возле своей деревянной двери, похожей на огромную плитку шоколада, Петров, зажав бутылку с «Колой» под мышкой, стал копаться в кармане джинсов, нашаривая ключи. Там же, в кармане, болталась между пальцами бумажка с таблеткой аспирина, подаренного Виктором Михайловичем.

Окно на площадке между пятым и шестым этажом было вроде бы плотно закрыто, но все равно оттуда как-то поддувало свежим холодком. Дело было, видимо, в том, что во внешнем стекле двойной рамы была прямая трещина, сквозь эту трещину набилось некоторое количество снега, чуть больше, чем для того, чтобы можно было принять его за вату, которой мать в свое время утепляла окна в гостиной и в его комнате. Справа от подъездного окна на широком подоконнике стояли две пустые бутылки из-под пива. Ну как пустые: правая правда была совершенно пуста, а вторая на треть набита окурками.

Желающие сходить в туалет почему-то не добирались до пятого этажа, или у них принято было делать свои дела на первом, поэтому на лестничной площадке отчетливо пахло супом. Кстати, было время, когда весь подъезд пропах травкой, до этого было время, когда выше первого этажа пахло дрожжами. Еще было время, когда по подъезду нельзя было пройти, чтобы шприц не хрустнул под ботинком, а до него опять же было время, когда повсюду, там и сям, стояли пустые бутылки. Сейчас бутылки опять возвращались – к стеклянным пивным добавились пластмассовые из-под алкогольных коктейлей и газировки. Раньше люди оставляли на площадке пепельницы из кофейных банок, теперь же кофейных банок почти не было, а были банки для газированной воды и энергетических напитков. Людям было мало садить сердце экстрактом гуараны, надо было еще покурить после опустошенной банки, как после секса.

Петров печально ввалился в квартиру. Запах супа исходил из его кухни. В прихожей горел свет, участковый врач из детской поликлиники сидела на полочке для обуви и застегивала длинный замок на втором своем сапоге. Жена стояла тут же и по-джентльменски держала наготове зеленоватое пальто врача. Из-за жены равнодушно выглядывал сын. Увидев Петрова, он даже не изменился в лице. В детстве, когда Петров простужался, участковый врач тоже ходил к нему на дом, все звали этого врача сложным прозвищем: Аспирин-Димедрол-Амидопирин.

– Что? Заболел? – спросил Петров у сына, выжимая из себя остатки бодрости, которую он попытался вложить в свой голос, а тот только что-то прохрипел в ответ, видимо, утвердительно отвечал на его вопрос.

– Иди к себе, – сказала жена сыну, – тебе только сквозняка еще не хватало.

Сын уплелся к себе в комнату.

Вообще, сын с разводом Петрова и его жены устроился довольно удобно – у него было целых две своих комнаты в разных квартирах. Петровы-старшие не соревновались друг перед другом в щедрости, оказываемой сыну, однако как-то само собой получилось, что у сына образовался двойной набор игрушек и книг, двойной набор игровых консолей и двойной набор одежды.

– Ну, в общем, вы поняли, да? – спросила врач, влезая в свое пальто и зачем-то ища взгляда жены, а жена уже подхватила сумочку врача и вешала сумочку на ее руку.

– Так ведь не первый раз уже, – отвечала жена врачу.

Петров занял место, которое освободила врач, и принялся развязывать шнурки своих зимних ботинок. Вот чего не хватало ему вчера в квартире Виктора Михайловича – рухнуть на полочку для обуви, а не корячиться в согнутом состоянии, пытаясь не упасть, и не пыхтеть на корточках, чувствуя, как кровь и жар приливают к лицу. Край длинной шерстяной юбки врача мелькал у Петрова перед глазами, пока он разувался, а врач еще раз терпеливо объясняла жене, какие таблетки нужно купить, если их нет, и сколько раз в день их принимать.

– Сейчас же все всё знают, – говорила врач, – начали в интернет лазить за советами. А кто-то по старинке копеечным аспирином ребенка пичкает, хотя сейчас много хороших средств появилось, которые дети с удовольствием принимают. На соседнем участке бабка годовалому ребенку по забывчивости скормила три таблетки аспирина. Другая спиртом обмазывала до алкогольной интоксикации. Еще одна чистотелом напоила – травки перепутала. Вообще, бабушек меньше слушайте, если они у вас есть.

– Да сейчас все дома, – успокаивала ее жена, – никаких бабушек.

Петров помнил этого участкового врача еще по школе – она училась на несколько классов старше, они как-то были даже знакомы с женой через всяких других знакомых, поэтому, как бы врач ни прикидывалась беспристрастным наблюдателем, вся история Петровых с их разводом была для нее как на ладони.

Петров иногда оглядывал свою семейную жизнь со стороны и тоже слегка удивлялся тому, что они с женой развелись и все равно иногда живут вместе,

словно откатив свои отношения до стадии свиданий. Только в прошлый раз во время этой стадии Петрова была едва выпустившейся студенткой, и у нее не было сына, и у Петрова не было сына. Это не была попытка освежить отношения, это было что-то другое, но Петров не знал, что именно. Петрова попросила развода по каким-то своим соображениям, которые были Петрову совершенно непонятны. Больше всего Петрова беспокоило, что жена могла изменить ему и из чувства вины начать весь этот цирк, просто не решаясь признаться. Это казалось Петрову хуже всего, ему становилось плохо от мысли, что он целует женщину, которую совсем недавно целовал кто-то другой. Это были глупые, совершенно пошлые мысли, похожие на строчки слащавых песен группы «Руки вверх!», но Петров ничего не мог с ними поделать.

Петров разулся и встал рядом с женой. Петрова держала руки под мышками, словно мерзла. Врач некоторое время смотрела на них, ожидая какого-то представления от разведенков, стоящих плечом к плечу, ей, видимо, хотелось увидеть, какими словами они сейчас начнут обмениваться, но Петровы не доставили ей такого удовольствия и просто дождались, когда пауза молчания между ними и доктором станет тягостной. Врач, хорошо скрывая свое разочарование, вышла.

– Фу, ну и запах от тебя, – сказала Петрова, когда Петров повесил дубленку на вешалку. – Ты что, в морге пил и там же спал?

– Почти, – ответил Петров, внутренне ужасаясь силе обоняния жены. – Там долгая история. Там Игорь и все такое.

– Это вообще настоящий Игорь, или это твой воображаемый друг?

Иногда Петров задавался тем же вопросом, но не всерьез, как-то Петров все же доверял здравости своего рассудка, чтобы считать Игоря и себя этакими героями «Бойцовского клуба». А вот жена и сын иногда казались ему призраками его воображения, настолько было ему с ними хорошо, настолько они постепенно обрастали для него подробностями, Петрову казалось, что это не от того, что сын растет и приобретает какие-то свои пристрастия, вроде привычки спать на спине, закинув ногу на ногу, или привычки спать на спине, укрываясь одеялом поперек, так что голова и туловище у него оказывались под одеялом, а ноги по колено – нет, и не от того, что он узнавал, что жена имеет настолько пещерные взгляды по поводу воспитания ребенка, что повсюду развешивает турники для сына и везде – и в этой квартире, и у себя – повесила боксерскую

грушу, хотя Петров-младший был не то что далек от спорта, он был чем-то неприложимым к спорту вообще. Скорее боксерская груша поколотила бы сына, чем он ее. Иногда Петрову казалось, что он придумывает эти новые подробности про близких своих людей.

С другой стороны, Петров, например, вообще ничего не знал о татарах, кроме того, что иногда попадал на татарский телеканал, который был в его кабельном, Петров просто не мог придумать, что его жена – татарка и даже знает татарский язык, силы воображения Петрова просто не хватило бы на то, чтобы придумать имя, которое носила жена, и совершенно невообразимое отчество, которое у нее было. При всем этом они ездили в тот же Татарстан к родственникам жены, на свадьбу ее двоюродного брата, и никто никогда из попутчиков в транспорте или там прохожих никогда не заговаривал с женой по-татарски – настолько у нее была простая славянская внешность, а к Петрову на татарском обращались постоянно, заставляя его краснеть, как будто он был татарин, и отказался от своих корней, и забыл даже язык. Петров, в конце концов, не мог придумать бабушку жены – реально такую полноватую бабушку в цветном платочке, перескакивающую с одного языка на другой, – и не мог придумать, что она будет буквально виснуть на нем, выясняя, откуда у Петрова с его фамилией такая аутентичная татарская внешность. «Моя бабушка согрешила с водолазом», – хотелось ответить Петрову на это, потому что его собственная бабушка правда согрешила с водолазом Балтийского флота – дедушкой Петрова. Дед был из детдомовцев, так что Петров, получается, носил фамилию, придуманную работником детдома во времена гражданской войны. У этого работника детдома тоже с воображением было не ахти.

Турник, который повесила жена для сына, был в простенке между прихожей и ванной, по пути к кухне. Она рассчитала примерный рост всех членов семьи, но нетрезвым гостям Петрова, например, тому же высокому Паше, приходилось несладко, когда они цеплялись за турник головой. «Я уже и у себя дома пригибаться начал при виде кухонной двери», – говорил Паша после того, как побежал поблевать в туалет Петрова и турник пришелся ему прямо на переносицу. Сам Петров не задевал турника головой, но чувствовал, как он касается его прически, как некий ангел-хранитель.

После того как жена сделала замечание о его запахе, Петров не мог пройти мимо ванной и не мог не оценить свою мрачную, небритую два дня рожу в зеркале над раковиной. Жена тоже устроилась неплохо, на полочке под зеркалом лежала ее зубная щетка и всякие ее ночные кремы для рук и для лица

(в ее квартире, между прочим, бритвы Петрова и его зубной щетки не лежало). Стиральная машина возле умывальника гудела со звуком, отдаленно напоминающим звук авиационной турбины истребителя. Через патрубок, шедший от стиральной машины к унитазу, лилась ярко-розовая вода, смешанная с мыльной пеной.

– У тебя там белых вещей нет? – спросил Петров через плечо, жена, сунув руки под мышки, тоже смотрела на эту ярко-розовую воду. – А то получится как тогда.

Всего-то год назад, когда Петров-младший ходил в первый класс, – теперь казалось, что просто уйма времени прошла, – они постирали новые розовые колготки сына вместе со своими вещами. Нужно было сразу понять, что от этих колготок не стоит ждать ничего хорошего, и тем более не стоило их совать в стирку с другими вещами тогда еще, когда они безо всякой стирки отлиняли на ноги Петрова-младшего, раскрасив их по всей длине ровным оттенком, причем цвет был такой, что Петровы так и не поняли, что это за цвет, Петров говорил, что это розовый, а Петрова говорила, что фиолетовый. После стирки колготки правда стали фиолетовыми, зато на белой футболке Петрова, на белых носках Петровой, на белых и голубых майках Петрова-младшего остались отчетливые пятна ядовитого розового цвета.

– Это я пальто стираю, – пояснила жена.

Пальто у Петровой тоже линяло всегда. Пальто уже было года три, Петров говорил, что эту адскую вещь нужно выбросить, потому что она не только все время линяет, но еще и долго потом сохнет. Петрова говорила, что пальто ей идет. Петров говорил, что, может, оно и идет Петровой, но толку от него нет – оно же холодное, в нем зимой не теплее, чем в свитере.

Петров, решив, что потом как-нибудь вытащит всё из карманов, скидал все с себя в корзину для белья и полез в душ. Петрова стояла тут же и смотрела совершенно равнодушным взглядом. Вообще, с появлением ребенка отношения Петровых потеряли былую долю интимности, когда ванная, совмещенная с туалетом, запиралась, если кто-то из Петровых мылся или ходил в туалет. Теперь могло быть так, что Петров мылся, Петров-младший сидел на унитазе, ковыряясь в носу и болтая на одной ноге сползшие к полу трусы, а Петрова в это время, допустим, закладывала в стирку одежду, или, допустим, Петрова сидела на унитазе, а Петров в это же время мыл Петрова-младшего, Петрова просила принести ей новую прокладку из сумочки, Петров уходил, а когда возвращался,

заставал сына и жену беседующими друг с другом столь непринужденно, словно все они были одеты и находились в гостинной.

– Есть ты, наверно, не хочешь, – сказала Петрова, когда увидела, что Петрова тоже бьет гриппозный озноб, непредсказуемо обострившийся под горячим душем.

– Не буду, – сказал Петров в нос, и это было тем более удивительно, потому что нос у него был совершенно забит. – Если я чем сегодня и буду питаться, то только таблетками.

Жена рассмеялась.

– Как в будущем шестидесятых, – сказала она. – Я тут недавно перечитывала Губарева...

Петров непонимающе посмотрел на Петрову.

– Ну, он «Королевство кривых зеркал» написал. У него еще есть «Путешествие на Утреннюю Звезду», так там пришельцы не таблетками, конечно, питаются, но почти.

Петрову нравилось, когда жена была так спокойна. Ему было с чем сравнивать. Просто были у Петровой периоды некоего раздражения, что-то вроде гона, как у кошки, когда она была слегка не в себе, рассеяна и непредсказуемо взрывалась, она начинала находить в Петрове какие-то недостатки, о каких он и помыслить не мог. Однажды она наорала на Петрова за то, что он громко сопит носом и заглушает этим телевизор. Еще был скандал из-за того, что он ставит кружку с чаем слишком близко к краю стола. В такие дни что-то гудело внутри нее, как сварочный аппарат. В обычные дни, если Петров храпел, она просто просила его перевернуться как-нибудь по-другому, в дни раздражения она могла не полениться дойти до кухни, набрать там воды в стакан и вылить его Петрову на голову, и это было еще не самое плохое, иногда она просто отвечивала храпящему Петрову оплеуху или подзатыльник и просила заткнуться. Секс с ней в такие бешеные дни превращался в очень экстремальное мероприятие. Она могла заорать: «Да куда ты лезешь-то, блин!», могла рассмеяться и сказать: «Ну и рожа у тебя». Могла сбросить Петрова с себя, перевернуть, усесться сверху и, говоря с ненавистью: «Да давай ты быстрее уже», вцепиться ему в горло одной

рукой так, что у Петрова темнело в глазах.

В дни спокойствия ничего не могло вывести ее из равновесия. Другое дело, что с первого взгляда не всегда можно было отличить один период от другого. Как-то Петров купился на ее мирный вид в то время, когда она шинковала лук и вытирала слезки тыльной стороной ладони, полез к ней с объятиями со спины, и жена, зевнув, как от скуки, быстро и глубоко взрезала ему предплечье во всю длину. Петров тогда удивился не этому ее поступку, а тому, насколько острые ножи у них в доме.

Был только один стопроцентный признак того, что жена находится в спокойном состоянии. Когда жена была спокойна, она рассказывала о библиотечных делах или о книгах. Больше всего из этих рассказов Петрова впечатлил рассказ про дядечку лет пятидесяти, который перечитал все сочинения де Сада, затем перешел на всю возможную литературу о концентрационных лагерях, после чего стал читать книги о гинекологии, хирургии и анатомии. Петрова однажды столкнулась с этим дядечкой вне библиотеки, в книжном магазине, где он листал «Камасутру», иллюстрированную фотографиями. Петрова сказала, что если на Уралмаше начнут пропадать женщины, то не нужно будет особо долго искать подозреваемого.

Петров уже пил чай, прихлебывая им таблетки жаропонижающего, отхаркивающего и средства от кашля, и рассказывал, как провел вчерашний день, когда появился хмурый от болезни сын, открыл холодную воду и стал пить прямо из-под крана, пока жена не прервала это питье окриком, похожим на крик чайки.

- Жарко, - пояснил сын, теребя серый пластырь на безымянном пальце.

- Ну так что теперь? Снег есть? - спросила жена. - Давай уж лучше морса выпей.

Сын только пробурчал в ответ что-то недовольное и пошел было к себе, но тут Петров вспомнил про «Кока-колу», оставленную возле ботинок в прихожей. Петров-младший поделился с отцом стаканом «Колы» и уволок газировку к себе. Петров тоже, не в силах уже выносить яркий солнечный свет в кухне и свое сидячее положение, подался в спальню, задернул шторы и завалился в постель. Когда он наконец уснул, то ему не снилось ничего. Вместо сна была чернота, этакий комикс, состоящий из кадров, полностью залитых тушью.

Глава 3

Елка

Петрову было четыре года. Он проснулся раньше родителей не потому, что сегодня была елка, на которую его должны были повести, а потому, что в четыре года он всегда просыпался рано. Было еще темно и пахло кошками, потому что бабушка подарила в комнатку Петрова полосатый половичок, скользивший по линолеуму, а у самой бабушки был кот, которого почти никогда не было дома. Петров видел бабушкиного кота всего один раз. До встречи с ним Петров представлял, что с котом можно будет поиграть, но это оказался зверь размером едва ли не с самого Петрова. Играть кот не хотел, кот хотел только лежать на кровати, такой высокой, что Петров не мог на нее забраться самостоятельно. Половичок постирали, но от этого он стал пахнуть кошками еще сильнее.

Первым делом Петров прошел в туалет по длинному темному коридору. В конце коридора была дверь и был свет уличного фонаря, падавший сбоку из кухни, дробленный стеклом кухонной двери до тусклых радужных перьев, лежащих на стене и полу. Чувство, что посещало Петрова, когда он проходил по коридору, можно было назвать готическим, настолько размеры самого Петрова были несоизмеримы с размерами коридора, а само готическое чувство брало начало в каких-то первобытных чувствах, когда никакой архитектуры еще не было, но людям нравились и одновременно людей пугали открытые пустые пространства. На двери туалета была прибита пластмассовая фигурка веселого мальчика, писающего по широкой дуге. Петров не понимал причин этого веселья, тем более что фигурка была повернута лицом к идущим в туалет, а щеки у мальчика были совсем уж какой-то нездоровой пухлости. Когда Петров видел эту фигурку, он всегда неосознанно трогал себя двумя пальцами за шею, проверяя лимфоузлы, потому однажды они у Петрова воспалились и его отражение в зеркале разбарабанило до такой же степени.

Свет в туалете родители никогда не выключали, зная, что Петров опасается темноты, причем не всякой – темноту в своей комнате он как-то переносил, – а именно темноты туалета и ванной. Скорее всего, из-за того, что там как-то по-особенному пахло взрослыми, будто это была их территория, помеченная именно ими, а маленький зверь, каким Петров пока по большей части и являлся,

чувствовал, что территория не его. Туалетная комната была узкой и напоминала Петрову колодец с лампочкой на самом верху. В углу под потолком всегда жил паук, и Петрову было спокойнее видеть паука при включенном свете, нежели предполагать, что паук уже спускается к нему на паутине, пока он сидит на высоком унитазе, холодном, как стетоскоп местного врача. Смыть за собой Петров пока еще не мог – шнур был слишком высоко, а кроме того, порождал жуткие звуки ревушей воды, раздававшиеся сразу отовсюду, словно смыв должен был происходить не в самом унитазе, словно всю комнату должно было засасывать в сливное отверстие после каждого использования.

Петров вернулся к себе, даже не заглянув к родителям в комнату. Очень редко зверю внутри него хотелось приобщиться к стае и потешить инстинкт самосохранения, лежа в безопасности между двумя большими людьми. Петров пока и родителей-то особо не считал родителями, а видел в них только две абстрактные фигуры, две передвигающиеся по дому горы, то и дело обращающиеся к нему с играми и разговорами, а в основном говорящие только друг с другом, причем как только они начинали разговаривать между собой, Петров терял к ним всякий интерес, его слух лишь автоматически начинал отделять слова, которые были ему знакомы (простые, бытовые слова, которыми он и сам пользовался каждый день), от тех, которые были ему еще непонятны. Так было еще и с радиопередачами, и с телепередачами. Иногда можно было домыслить, что имелось в виду, по знакомым словам, которые окружали незнакомое слово. Если он слышал, например, «Курляндия», а вокруг было про принца, войска, которые вторглись на землю Курляндии, то Петров предполагал, что это какая-то маленькая страна. Петров знал, что его страна огромна, потому что об этом без конца отовсюду говорили. Словосочетания типа «сколько-то там центнеров с гектара» были ему настолько непонятны, что он и вовсе пропускал их мимо ушей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sal-nikov_aleksey/petrovy-v-grippe-i-vokrug-nego

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)